

MAADKEH
MIAAKRA

CoRpus

LIAPLEK

Мадлен Миллер

Цирцея

«Corpus (ACT)»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Миллер М.

Цирцея / М. Миллер — «Corpus (АСТ)», 2018

ISBN 978-5-17-111581-4

Американка Мадлен Миллер, филолог-классик и шекспировед, стала известна читателям всего мира благодаря своему дебютному роману “Песнь Ахилла”. “Цирцея” тоже уходит корнями в гомеровский эпос и так же завораживает неожиданной реконструкцией личной истории внутри мифа. Дочь титана Гелиоса, самого солнца, Цирцея растет в чертогах отца одинокой и нелюбимой. Божественное могущество ей недоступно, но когда дает о себе знать ее непонятный и опасный дар, боги и титаны отправляют новоявленную колдунью в изгнание на необитаемый остров. Лишь изредка внешний мир врывается в ее одинокую вечность, пока не пристаёт к берегу избитый штормами корабль Одиссея. И далеко не всем последствиям этой встречи суждено остаться в легендах...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-111581-4

© Миллер М., 2018

© Corpus (АСТ), 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	46
Глава восьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мадлен Миллер

Цирцея

*Ναττισιελιο
νόστος!*

© 2018 by Madeline Miller

© Л. Тронина, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство Аст», 2020

Издательство CORPUS ®

18+

Глава первая

Когда я родилась, имени для мне подобных еще не существовало. Меня называли нимфой, полагая, что я стану такой же, как моя мать, тетки и бесчисленные двоюродные сестрицы. Наименьшие из меньших богинь, мы обладали весьма скромными способностями, для бессмертия едва достаточными. Мы говорили с рыбами и выращивали цветы, извлекали влагу из облаков и соль из морской воды. Этим словом – “нимфа” – наше будущее измерялось вдоль и поперек. На здешнем языке так называют не только богинь, но и невест.

Моя мать была нимфой, точнее наядой, хранительницей ручьев и источников. Мой отец заметил ее, когда гостил во дворце Океана – ее отца. В те дни Гелиос и Океан часто друг у друга пировали. Двоюродные братья и к тому же ровесники, они вовсе не казались таковыми. Мой отец светился как бронза, только снятая с наковальни, а у Океана от рождения росла белая борода по колено и слезились глаза. Но они оба были титанами и предпочитали общаться друг с другом, а не с богами Олимпа – птенцами, не видевшими сотворения мира.

Дворец Океана – диво дивное – помещался в недрах земли. Залы с высокими сводчатыми потолками украшала позолота, каменные полы сгладились за сотни лет под ступнями богов. По комнатам разливалось тихое журчание реки Океана, питавшей все пресные воды мира, – такой темной, что нельзя было понять, где заканчивается она и начинается каменистое дно. На берегах реки росла трава и нежные бледные цветы, а еще бесчисленные дети Океана – наяды, нимфы и речные боги. Гибкие, гладкие, как выдры, они, смеясь, передавали из рук в руки золотые кубки, боролись, играя в любовные игры, и лица их сияли в сумеречном свете. Там же, затмевая все это лилейное великолепие, сидела и моя мать.

Волосы ее были теплого каштанового цвета, и каждая сияющая прядь казалась подсвеченной изнутри. Она, наверное, почувствовала взгляд моего отца – жаркий, будто вспыхнувший костер. Вижу, как мать расправляет платье, чтобы оно безукоризненно ниспадало с плеч. Вижу, как она обмакивает в воду сверкающие пальцы. Я видела тысячу раз, как она проделывает тысячу подобных штучек. И мой отец всегда попадался на эту удочку. Он считал, в мире все устроено затем, чтобы ему угодить.

– Кто это? – спросил отец.

У Океана уже много было златоглазых внуков, рожденных от Гелиоса, и дед с радостью думал о новых.

– Моя дочь Персеида. Станет твоей, если хочешь.

На следующий день отец отыскал мать в верхнем мире, у заводи рядом с ее родником. Это был прелестный уголок, заросший крупноголовыми нарциссами, увитый дубовыми ветвями. Ни ила, ни ослизлых лягушек, только чистые округлые камни, а между ними трава. Даже мой отец, безразличный к тонкостям мастерства нимф, восхитился.

Мать знала, что он придет. Она была хрупка, но коварна, ум ее – подобен шипозубой мурене. Мать понимала, как, будучи в ее положении, достичь могущества, – не кувыркаясь на берегу реки да рожая внебрачных детей. И когда отец предстал перед ней, облаченный в свое сияние, мать над ним посмеялась. *Лечь с тобой? С какой стати?*

Конечно, мой отец и сам мог взять желаемое. Но Гелиосу нравилось думать, что всякая жаждет лечь с ним в постель – хоть рабыня, хоть богиня. На алтарях его дымились доказательства – приношения от женщин на сносях и незаконнорожденных счастливчиков.

– Женись, – сказала мать отцу. – И никак иначе. А если женишься, то знай: вне дома можешь развлекаться с девчонками сколько хочешь, но домой никого не води, в твоём дворце я одна стану хозяйкой.

Условия, ограничения... Для отца это было ново, а новое боги любят больше всего на свете.

– Выгодная сделка, – сказал отец и, дабы скрепить ее, подарил матери ожерелье, которое сделал сам, с бусинами из редчайшего янтаря.

Позже, когда родилась я, он подарил ей вторую нитку, и еще по одной за двух моих братьев и сестру. Не знаю, что мать ценила выше – сами светящиеся бусы или зависть сестриц, на них глядевших. Она, наверное, так и собирала бы их целую вечность и под конец ходила бы уже как вол с ярмом на шее, но верховные боги ее остановили. К тому времени они поняли, кто такие мы четверо. Можешь родить еще детей, сказали они матери, только не от него. Но другие мужа янтарных бус не дарили. Она плакала тогда – в первый и последний раз на моей памяти.

* * *

Когда я родилась, одна тетка (не стану называть ее имени, потому что в этой истории теток полно) омыла и спеленала меня. Другая занялась матерью – вновь окрасила ей красным губы, расчесала волосы гребнями из слоновой кости. А третья пошла к двери – впустить отца.

– Девочка, – сообщила ему мать, сморщив нос.

Но мой отец против своих дочерей – мягких и золотистых, как первая выжимка из оливок, – ничего не имел. Люди и боги дорого платили за счастье завести с ними потомство, и потому отцовская сокровищница, как говорили, была не хуже, чем у самого царя богов. Положив мне на голову руку в знак благословения, отец сказал:

– Она найдет себе достойного мужа.

– Насколько достойного? – осведомилась мать.

Она, наверное, утешилась бы, если б меня можно было обменять на что-нибудь получше. Размышляя, отец перебирал пушок на моей голове, изучал мои глаза и скулы.

– Царевича, пожалуй.

– Царевича? – переспросила мать. – Ты ведь не хочешь сказать, смертного?

На лице ее читалось отвращение. Однажды в детстве я спросила, каковы смертные с виду.

– Можно сказать, сложением они схожи с нами, но лишь в той мере, в какой червь схож с китом, – ответил отец.

Мать выразилась проще: *гнилая плоть в грубой оболочке*.

– Разумеется, она выйдет замуж за сына Зевса, – настаивала мать.

Она уже воображала, как пирует на Олимпе, сидя по правую руку от царицы Геры.

– Нет. Волосы у нее пестрые, как рысий мех. И этот подбородок... Островат, совсем не радует глаз.

Мать спорить с отцом не стала. Как вспыхнув Гелиос, когда ему перечат, она знала не хуже других. *Помни: под золотым его сиянием скрывается огонь*.

Мать поднялась. Живот ее исчез, утянулась талия, лицо посвежело, стало девственно-румяным. Все наше племя оправлялось быстро, а мать и того быстрее, она ведь была из дочерей Океана, метавших детей, как икру.

– Идем, – сказала мать. – Сделаем кого-нибудь получше.

* * *

Я росла быстро. Младенчество мое продлилось несколько часов, и тут же я выучилась ходить. Тетка осталась со мной в надежде заслужить расположение матери и назвала меня Цирцеей – Ястребом – за желтые глаза и странный пронзительный плач. Но, увидев, что труд ее мать замечает не более, чем землю под ногами, тетка исчезла.

– Мама, – сказала я. – Тетя ушла.

Мать не ответила. Отец уже отправился на небо в своей колеснице, а она вплетала в волосы цветы, собираясь уйти из дворца тайными водными путями и встретиться с сестрами

на заросших травой речных берегах. Я могла бы пойти с ней, но тогда пришлось бы весь день сидеть у ног теток и слушать, как они болтают о вещах, мне непонятных и неинтересных. И я осталась.

Тишина и мрак воцарились в залах. Дворец отца, спрятанный в недрах земли, соседствовал с дворцом Океана, и стены в нем были из полированного обсидиана. А почему нет? Они могли стать какими угодно, отцу стоило только пожелать, – кроваво-красными, из египетского мрамора, или янтарными, из аравийской смолы. Но отцу нравилось, как обсидиан отражает его свет, как вспыхивает гладкая поверхность стен, когда он проходит мимо. О том, как черны они, когда его нет, отец, конечно, не думал. Он вообще не способен был вообразить мир без себя.

В такие часы я могла делать что хотела. Бегать с зажженным факелом и глядеть на несущиеся за мной языки багрового пламени. Лежать на гладком земляном полу и проковыривать в нем пальцем дырочки. Ни червей, ни личинок я там не находила, да и не думала найти. Во дворце, кроме нас, ничего живого не было.

Когда поздно вечером отец возвращался, земля колыхалась, как лошадиный бок, и дырочки, что я успевала проковырять, заглаживались. Через минуту возвращалась и мать, от нее пахло цветами. Она бросалась ему навстречу, повисала у него на шее – отец не сопротивлялся, принимал кубок с вином из ее рук, а затем направлялся к серебряному трону. Я шла за ним по пятам. *С возвращением, отец, с возвращением.*

Потягивая вино, отец играл в шашки. С ним играть никому не позволялось. Он передвигал каменную шашку, разворачивал доску, передвигал другую.

– Не желаешь ли возлечь, любовь моя? – Голос матери сочился медом.

Она крутилась перед ним, как жаркое на вертеле, прельщая своими роскошными формами. Тут отец обычно оставлял игру, но не всегда, и такие вечера я любила особенно, потому что мать уходила, хлопнув дверью.

У ног отца мир казался золотым. Свет излучало все разом – его золотистая кожа, лучистые глаза, волосы с бронзовым отливом. Тело отца пылало как жаровня, и я придвигалась к нему, насколько он позволял, – так ящерица в полдень жметя к камню. Тетка говорила, что иным младшим богам и смотреть на него почти невыносимо, но я, его дочь, родная кровь, могла всматриваться в лицо отца так долго, что и когда отводила взгляд, оно все еще стояло перед глазами, сияло на полу, на глянцевых стенах и инкрустированных столах и даже на моей коже.

– Что будет, – спросила я, – если смертный увидит тебя во всем блеске?

– Он тут же превратится в пепел.

– А если смертный увидит меня?

Отец улыбнулся. Я слушала, как передвигаются шашки, как привычно скрежещет о дерево мрамор.

– Этот смертный сочтет, что ему повезло.

– Я его не испепелю?

– Нет, конечно.

– Но глаза у меня как у тебя.

– Нет, – возразил отец. – Смотри.

Он бросил взгляд на полено, стоявшее у камина. Оно засветилось, вспыхнуло, а потом осыпалось пеплом на пол.

– И это лишь меньшее, на что я способен. Можешь так?

Всю ночь я не сводила с поленьев глаз. Нет, я так не могла.

* * *

Родилась моя сестра, а вскоре и брат. Через какое время, точно не могу сказать. Дни богов – что низвергающийся водопад, смертные умеют их считать, но этой хитрости я тогда

еще не знала. Казалось бы, кому, как не отцу, обучить нас – ему ведь каждый рассвет был известен. Но даже он называл брата и сестру близнецами. Они и в самом деле сблизились, едва брат родился, сплелись как зверьки. Отец благословил обоих одной рукой.

– Ты, – сказал он моей светящейся сестре Пасифае, – выйдешь замуж за вечного сына Зевса.

Эти слова отец произнес пророческим тоном, каким всегда говорил о том, что несомненно произойдет. Мать просияла – она уже воображала, как будет наряжаться на Зевсовы пиры.

– А ты... – сказал отец брату – обычным голосом, звонким и чистым, словно летнее утро. – Всякий сын отражается на матери.

Мать обрадовалась и восприняла эти слова как разрешение дать сыну имя. Она назвала его Персом – в свою честь.

Эти двое были умны и сразу поняли, что к чему. Любили насмехаться надо мной, прикрываясь горностаевыми лапками. *Глаза у нее желтые, как моча. А голос скрипучий, как у совы. Зовут ее Ястребом, а следовало бы Козой – уж больно уродлива.*

Таковы были их первые колкости – поначалу туповатые, день ото дня они становились острее. Я научилась избегать сестры и брата, и те вскоре нашли забаву поинтересней – среди маленьких наяд и речных богов из дворца Океана. Когда мать шла в гости к теткам, Перс и Пасифая следовали за ней и принимались командовать нашими покладистыми двоюродными братишками и сестренками, а те цепенели перед ними, как мальки перед щучьей пастью. Издательских игр Перс с Пасифаей придумали множество. Поди сюда, Мелия, уговаривали они. На Олимпе модно теперь обстригать волосы до затылка. Не дашь нам этого сделать – как получишь мужа? После стрижки Мелия, ставшая похожей на ежа, ревела, а брат с сестрой хохотали так, что эхо гуляло по пещерам.

Пусть делают что хотят, думала я. Сама же предпочитала тихие залы нашего дворца и сидела у отцовских ног, когда только могла. И вот однажды, отправляясь проведать свое стадо священных коров, он – в награду, видимо, – позвал и меня. Это была великая честь, ведь мне предстояло прокатиться на его золотой колеснице и увидеть предмет зависти всех богов – пятьдесят белоснежных телиц, каждый день услаждавших взгляд отца, пока он совершал свой путь над землей. Перегнувшись через боковину колесницы, украшенную драгоценными камнями, я дивилась на проносившуюся под нами землю – обильную зелень лесов, зубчатые горы и широко раскинувшуюся синь океана. Я искала глазами смертных, но с такой высоты их было не разглядеть.

Стадо паслось на лугах острова Тринакрия, и присматривали за ним две мои единокровные сестры. Едва завидев нас, они с радостными возгласами бросились к отцу, повисли у него на шее. Все дети Гелиоса рождались красивыми, но сестры, чья кожа и волосы словно состояли из жидкого золота, были в числе прекраснейших. Их звали Лампетия и Фаэтуса. *Сияющая и Светящаяся.*

– А кого это ты с собой привез?

– Она, должно быть, дочь Персеиды. Смотри, какие глаза у нее.

– Ну конечно! – Лампетия (кажется, она) погладила меня по голове. – Глаза твои, милочка, не тревожат. Не тревожат совсем. Твоя мать очень красивая, вот только слабая.

– У меня глаза как у вас, – сказала я.

– Какая прелесть! Нет, милочка, наши глаза огнем горят, а волосы блестят, как солнце на воде.

– А ты правильно делаешь, что свои заплетаешь в косу, – добавила Фаэтуса. – В косе эти темные пряди чуть лучше смотрятся. Жаль, что голос твой так просто не спрячешь.

– Ей ведь можно и совсем не разговаривать. Это выход, правда же, сестрица?

– Выход, – улыбнулись они. – Не проведать ли нам коров?

Прежде я коров не видела, никаких, но это не имело значения: красота телиц казалась столь неоспоримой, что и сравнивать не было нужды. Белоснежная, как лепестки лилий, шерсть, нежные глаза, прикрытые длинными ресницами. Рога коров покрывала позолота (сестры потрудились), а наклоняясь пощипать травы, они изгибали шеи изящно, как танцовщицы. Их лоснящиеся бока мягко поблескивали в закатном свете.

– Ух! – воскликнула я. – А потрогать можно?

– Нет, – ответил отец.

– Хочешь, мы расскажем, как их зовут? Это Белоликая, это Ясноглазая, а та – Милочка. Вот Красотка и Прелестница, Золоторогая и Блестящая. Это Милочка, а там...

– Милочка уже была, – возразила я. – Вы сказали, что Милочка – вон та.

И я указала на первую корову, мирно жевавшую траву. Сестры посмотрели друг на друга, затем на отца – единым золотистым взглядом. Но отец взирал на свое великолепное стадо, не делая различий.

– Ты, наверное, не так поняла, – сказали сестры. – Милочка вот эта, про которую мы только что сказали. А вот Звездочка, вот Вспышка и...

– Это что такое у Прелестницы? – перебил отец. – Болячка?

Сестрицы тут же всполошились:

– Где болячка? Ах, не может быть! Ах, Прелестница, дрянная, зачем же ты поранилась? Ах, что за дрянь тебя поранила?

Я наклонилась к Прелестнице – болячку рассмотреть. Она была крошечная, меньше ногтя на моем мизинце, но отец нахмурился:

– К завтрашнему дню чтобы все исправили.

Сестрицы закивали головами. *Конечно, конечно. Мы так виноваты.*

Мы опять взошли на колесницу, отец взялся за вожжи с серебряными кончиками. Сестры в последний раз приложились губами к его рукам, а потом лошади взмыли в небеса, и мы вслед за ними. Сквозь тускнеющий свет уже проглядывали первые созвездия.

Я вспомнила, как однажды отец рассказывал, что на земле есть люди, которых называют астрономами, и их задача – следить, когда он восходит и заходит. Они у смертных в большом почете, живут во дворцах, служат царскими советниками, но порой отец по какой-то причине задерживается и начисто опровергает все их расчеты. Тогда астрономов волокут к царям, обвиняют в шарлатанстве и казнят. Отец говорил об этом с улыбкой. Так, мол, им и надо. Гелиос-Солнце никому не подчиняется, кроме себя самого, и никто не может предсказывать, что он станет делать.

И теперь я спросила:

– Отец, мы опоздали достаточно, чтобы казнить астрономов?

– Достаточно, – ответил отец, встряхнув звенящие поводья.

Лошади рванули вперед, и мир под нами размылся, у кромки моря курилась ночная мгла. Я туда не смотрела. Грудную клетку скрутило, будто выжатое белье. Я думала об астрономах. Представляла их, ничтожных, как черви, поникших, согбленных. Помилуй, умоляли они, стоя на тощих коленях, мы не виноваты, это солнце опоздало.

Солнце никогда не опаздывает, отвечали восседавшие на тронах цари. Ты богохульствуешь, и ты умрешь! И топоры палачей разрубили моливших о пощаде надвое.

– Отец, – сказала я. – Мне как-то не по себе.

– Ты голодна. Время трапезы давно настало. Твоим сестрам совестно должно быть, что задержали нас.

Я плотно поужинала, но чувствовала себя по-прежнему. Наверное, лицо у меня было чудное, потому что Перс и Пасифая захихикали на своем ложе.

– Ты что, лягушку проглотила?

– Нет.

Они лишь громче расхохотались, потирая руки и ноги в складках одежды, будто змеи, начищающие чешую.

– И как тебе отцовы золотые телки? – спросила сестра.

– Красивые.

Перс опять засмеялся:

– Она ничего не знает! Видала когда-нибудь такую дурочку?

– Никогда, – отозвалась сестра.

Мне бы не спрашивать, но я все еще увлечена была своими мыслями, представляла распростертые на мраморном полу разрубленные тела.

– Чего я не знаю?

Прекрасное звериное личико сестры.

– Что он совокупляется с ними, конечно. Так появляются на свет новые. Он превращается в быка и зачинает с ними новых телок, а старых готовят на обед. Вот почему все думают, что они бессмертны.

– Неправда.

Они покатывались со смеху, тыча пальцами в мои пунцовые щеки. Шум привлек мать. Ей нравились шуточки сестры и брата.

– Мы рассказали Цирцее про коров, – объяснил Перс. – Она не знала.

Смех матери засеребрился, как струящийся в камнях родник.

– Дурочка Цирцея.

* * *

Так проходил год за годом. Я и рада бы сказать, что все это время ждала случая оттуда вырваться, но на самом-то деле, боюсь, могла бы и дальше плыть по течению, ничего не ожидая до скончания дней, кроме этих унылых горестей.

Глава вторая

Прошел слух, что одного из моих дядьев накажут. Дядю этого я ни разу не видела, но слышала, как мои родные то и дело произносят зловещим шепотом его имя. *Прометей*. Давным-давно, когда люди еще сидели в пещерах, дрожа и ежась от холода, Прометей вопреки воле Зевса даровал им огонь. И пламя этого огня породило все искусства и прочие блага просвещения, которыми жадный Зевс не собирался делиться с человечеством. Бунтовщика Прометея сослали в самую глубь преисподней – до тех пор, пока не будет для него придумано надлежащее истязание. И вот Зевс объявил, что это время настало.

Другие мои дядья примчались к отцу во дворец – бороды развеваются, тревожные слова слетают с языков. Пестрая собралась компания: речной народ, чьи мускулы походили на древесные стволы, просоленные морские боги, с бород которых свешивались крабы, да жилистые старцы – у этих тюленья мясо торчало меж зубов. Большинство из них мне были вовсе не дядья, а скорее двоюродные деды. Титаны, уцелевшие в войне богов, как мой отец и дед, как Прометей. Из тех, кто не был сокрушен или пленен, но сумел примириться с Зевсовыми молниями.

Прежде, на заре мироздания, только титаны и существовали. Потом моему двоюродному деду Кроносу напороочили, что придет время и он будет низвергнут кем-то из своих детей. И когда его жена Рея родила первого, Кронос вырвал младенца, не успевшего обсохнуть, из ее рук и проглотил целиком. Она родила еще четверых, но и их Кронос пожрал, и в конце концов отчаявшаяся Рея отдала мужу на съедение вместо ребенка завернутый в пеленки камень. Кроноса обманули, а спасенного младенца, Зевса, отвезли на гору Дикту и там растили втайне. Повзрослев, Зевс в самом деле восстал и, сорвав молнию с неба, заставил отца проглотить ядовитое зелье. После чего Кронос изрыгнул братьев и сестер Зевса, живших в отцовой утробе. Те тут же приняли сторону Зевса и назвали себя олимпийцами – в честь горной вершины, где воздвигли свои троны.

Древние боги разделились. Многие стали сражаться за Кроноса, но мои отец и дед примкнули к Зевсу. Это потому, что Гелиос Кроноса всегда не любил за спесь и хвастовство, говорили одни; Гелиос просто-напросто предвидел исход войны, шептались другие, он ведь обладает даром прорицания. Битвы шли такие, что разрывалось небо – сам воздух пылал, а боги голыми руками сдирали друг с друга плоть, обнажая кости. Земля пропиталась кипящей кровью, и столько в ней было мощи, что там, где падала капля этой крови, вырастали редкие цветы. В конце концов Зевсово войско одержало победу. Отказавшихся ему повиноваться Зевс заковал в цепи, а остальных титанов лишил власти и отдал в подчинение своим братьям, сестрам и детям, которых успел родить. Мой дядя Нерей, некогда могущественный владыка моря, теперь прислуживал новому морскому богу, Посейдону. Другой дядя, Протей, лишился дворца, а жен его сделали наложницами. И только мой отец и дед унижениям не подверглись, своего места не утратили.

Титаны усмехались. Может, они за это еще и благодарить должны? Все знали, что Гелиос и Океан переломили ход войны. Зевсу следовало бы наделить их еще большей властью, новыми полномочиями, но он побоялся, ведь сила Гелиоса и Океана и так уже была сравнима с его собственной. Титаны ждали, что Гелиос возмутится, что полыхнет его великое пламя. Но он лишь удалился вновь в свой подземный дворец, подальше от ярких, как небо, Зевсовых глаз.

Минули столетия. Раны земли затянулись, установился мир. Но вражда богов, подобно плоти их, неистребима, и, приходя на ночные пиршества, дядья садились поближе к отцу. Мне нравилось, как они опускали глаза, разговаривая с ним, как учтиво смолкали, стоило ему пошевелиться в кресле. Пустели кубки, догорали факелы. Время настало, шептали отцу дядья. Мы снова в силе. Представь, на что способен твой огонь, если дать ему волю. Ты сильнейший из древнего рода, сильнее Океана даже. Сильнее самого Зевса, если только пожелаешь.

Отец улыбался:

– Братья, что за разговоры? Разве дыма да смака на всех не хватает? Этот Зевс неплохо справляется.

Зевс, если слышал, был доволен, наверное. Но он не мог видеть того, что видела я, отчетливо видела в отцовском лице. Невысказанное, нависшее.

Этот Зевс неплохо справляется *пока что*.

Дядья потирали руки, улыбались ему в ответ. И уходили, лелея свои надежды, размышляя о том, что им так не терпелось сделать, едва титаны вновь придут к власти.

Таков был мой первый урок. За спокойным, знакомым обликом всего сущего скрывается нечто иное, готовое разорвать мир на части.

* * *

А теперь дядья толпились в отцовском зале, в страхе закатывая глаза. Внезапное наказание Прометея – это знак, говорили они: Зевс и его родичи наконец перешли в наступление. Олимпийцы не успокоятся, пока не уничтожат нас совсем. Нам нужно поддержать Прометея, или нет, нужно выступить против него, чтобы Зевсова молния не обрушилась на наши головы.

Я сидела на обычном месте, у ног отца. Сидела тихо, чтобы меня не заметили и не выгнали вон, но внутри все переворачивалось от осознания этой ошеломляющей вероятности: война возобновится. Молнии разрушат наш дворец до основания. Дочь Зевса, воительница Афина, станет охотиться за нами, вооружившись серым копьем, а вместе с ней Арес, ее брат по кровопролитию. Нас скуют цепями и бросят в огненную пропасть, откуда нет спасения.

Окруженный дядьями отец заговорил, невозмутимый, золотой:

– Полно, братья! Если Прометея наказывают, то потому лишь, что он это заслужил. Не нужно искать повсюду заговоры.

Но дядья не унимались. *Наказание свершится у всех на виду. Это оскорбление, это урок нам. Смотрите, что бывает с непокорными титанами.*

Свет, исходивший от отца, сделался резче, белее.

– Это кара для изменника, только и всего. Нелепая любовь к смертным сбила Прометея с пути. Это вовсе не урок титану. Ясно вам?

Дядья закивали. Смесь разочарования и облегчения отразилась на их лицах. Кровь не прольется *пока что*.

* * *

Карали богов очень редко и очень люто, поэтому слухи по залам нашего дворца носились дикие. Убить Прометея нельзя, но смерть способны заменить десятки изощренных пыток. Так что применяют – ножи или мечи? Или станут отрывать руки-ноги? А может, раскаленные шипы или огненное колесо? Наяды, лишаясь чувств, падали друг к дружке на колени. Владыки рек картинно замирали, мрачно-возбужденные. Как боги страшатся боли – не передать. Нет ничего другого, столь чуждого им, и потому ничто другое они не жаждут видеть столь болезненно.

В назначенный день двери приемного зала в отцовском дворце распахнулись настежь. На стенах горели огромные факелы, украшенные драгоценными камнями, в кругах их света собирались нимфы и божества всех разновидностей. Стройные дриады стекались из лесов, каменные ореады спускались с утесов. Здесь была моя мать и ее сестры-наяды. Речные боги с лошадиными торсами толпились подле по-рыбы бледных nereид и их соляных владык. Даже великие титаны пришли – мой отец, разумеется, и Океан, а еще морские оборотни Протей и Нерей, моя тетка Селена, что объезжает ночное небо, правя серебристыми лошадьми, и четыре ветра во главе с холодным дядей Бореем. Тысяча алчущих глаз. Только Зевса не было и его олимпий-

цев. Нашими подземными собраниями они пренебрегали. Ходили слухи, что для них там, в облаках, уже устроили отдельную экзекуцию.

Роль палача отвели одной из эриний, подземных богинь мщения, обитающих среди мертвых. Моя семья заняла обычное свое почетное место, а я стояла впереди огромной толпы и не сводила глаз с дверей. За моей спиной толкались, перешептываясь, наяды и речные боги. *Я слышала, что вместо волос у них змеи. Нет, у них скорпионьи хвосты, а из глаз сочится кровь.*

Дверной проем был пуст. А в следующий миг уже не был. Ее серое, неумолимое лицо казалось высеченным из камня, за спиной вздымались темные, складные, как у стервятника, крылья. Меж губ мелькал раздвоенный язык. А на голове извивались змеи, зеленые и тонкие, червеподобные, вплетаясь живыми лентами в ее волосы.

– Я привела осужденного.

Ее голос эхом отразился от потолка, грубый, как лай загнавшего дичь охотничьего пса. Широким шагом она вошла в зал. В правой руке эриния держала плеть, и кончик ее чуть слышно царапал по полу. А левой рукой натягивала цепь, к которой был прикован шедший следом Прометей.

Глаза его закрывала плотная белая повязка, на бедрах висели обрывки хитона. Руки Прометея были скованы и ноги тоже, но он не спотыкался. Моя тетка, стоявшая рядом, шепнула кому-то, что кандалы изготовил сам великий Гефест, бог кузнецов, поэтому даже Зевсу не под силу их разомкнуть. Расправив стервятничьи крылья, эриния взлетела и пригвоздила наручники к стене. Прометей повис на вытянутых, напряженных руках, под кожей проступили бугры костей. Даже я, так мало знавшая о неудобствах, почувствовала, как это больно.

Я думала, отец что-то скажет. Или другие боги. Разумеется, они как-нибудь его поддержат, молвят доброе слово, они ведь все-таки родня. Но Прометей висел в безмолвии, одинокий.

Утруждать себя нравоучениями эриния не стала. Она, богиня-мучительница, знала, что красноречива жестоко. Громко щелкнула плеть – будто дубовая ветвь сломалась. Плечи Прометея вздрогнули, на боку раскрылась рана с мою руку длиной. Со всех сторон зашипели, как вода на горячих камнях, сдавленные вздохи. Эриния вновь занесла плеть. *Щелк.* Окровавленная лента оторвалась от его спины. Эриния принялась сечь усердно, удары сыпались один за другим, и длинные борозды ободранной плоти полосовали крест-накрест спину Прометея. Только щелканье плети было слышно да его приглушенное, взрывное дыхание. На шее Прометея выступили жилы. Кто-то толкал меня в спину, силясь все получше разглядеть.

Раны богов заживают быстро, но эриния свое дело знала и делала еще быстрее. Она наносила удар за ударом, пока не вымокли кожаные ремни. Что можно пролить кровь бога, я понимала, но никогда этого не видела. Прометей был одним из величайших в нашем роду и истекал золотыми каплями, ужасающе красиво растиравшимися по его спине.

Однако эриния не останавливалась. Часы проходили, а может, дни. Но и боги не могут созерцать бичевание вечно. Зрелище крови и мук стало их утомлять. Они вспомнили об удовольствиях, о пирах, которыми предстояло насладиться, о мягких, устланных пурпуром ложах, готовых объять их члены. Один за другим они потянулись к выходу, и эриния, хлестнув в последний раз, отправилась следом – она заслужила угощение, после такой-то работы.

Повязка сползла с лица Прометея. Глаза его закрылись, голова свесилась на грудь. Спина превратилась в золотые лоскутья. Дядья говорили, что Зевс готов был смягчить наказание, если Прометей встанет на колени и попросит об этом. Но тот отказался.

Все ушли, кроме меня. В воздухе стоял запах ихора², густой, словно мед. Ручейки огненной крови еще стекали по ногам Прометея. Я ощущала, как пульсирует в жилах кровь. Знает он, что я здесь? Я осторожно подошла поближе. Грудь его вздымалась и опадала с тихим хрипом.

² *Ихор* – в греческой мифологии прозрачная кровь богов.

– Господин Прометей? – В отзывавшемся эхом зале мой голос еле слышался.

Он поднял голову, обратился ко мне. Открыл глаза – красивые, большие, темные, в обрамлении длинных ресниц. Лицо у него было гладкое, безбородое, и все же почему-то ясно становилось, что он древний бог, как мой дед.

– Хочешь, я принесу тебе нектара?

Взгляд его остановился на мне.

– Был бы тебе благодарен, – ответил он. Гулким, как старая древесина, голосом. Только теперь я его услышала – во время истязания Прометей ни разу не вскрикнул.

Я повернулась. И, чувствуя, как учащается дыхание, пошла по коридорам к пиршественному залу, полному смеющихся богов. В дальнем его конце эриния поднимала за кого-то громадный кубок, на котором отчеканено было ухмыляющееся лицо горгоны. Эриния не запрещала говорить с Прометеем, да что с того, ее дело – проступки. Я представила, как этот жуткий голос выкрикивает мое имя. Как бряцают наручники на моих запястьях и, рассекая воздух, ударяет плеть. Но дальнейшего мой разум не способен был вообразить. Я не извела плети. И не знала, какого цвета моя кровь.

Пришлось взять кубок обеими руками, до того меня трясло. Что скажу, если кто-нибудь остановит? Но в коридорах, по которым я возвращалась, было тихо.

Прикованный посреди большого зала Прометей затих. Глаза его опять закрылись, раны сияли в свете факелов. Я остановилась в нерешительности.

– Я не сплю, – сказал он. – Будь добра, поднеси мне кубок.

Я вспыхнула. Ну конечно, он ведь не может взять кубок сам. Я подошла – так близко, что ощутила исходивший от Прометея жар. Земля под ним пропиталась стекшей кровью. Я поднесла чашу к его губам, он стал пить. А я смотрела, как ходит слегка его кадык. Любовалась его красивым телом цвета полированного ореха. Пахло от Прометея пропитанным дождями зеленым мхом.

– Ты дочь Гелиоса, верно? – спросил он, когда напился и я отошла.

– Да.

Вопрос уязвил меня. Родись я истинной дочерью Гелиоса, и спрашивать бы не пришлось. Я была бы совершенна и лучилась красотой, изливающейся пряником из отцовского первоисточника.

– Благодарю тебя за доброту.

Была ли тут доброта, я не понимала, и вообще, казалось, не понимала ничего. Он говорил осторожно, почти робко, а при этом совершил столь дерзкую измену. Мой разум пытался совладать с противоречием. *Храбрый на деле не всегда храбр с виду.*

– Ты голоден? Я бы принесла что-нибудь поесть.

– По-моему, есть я уже никогда не захочу.

Скажи это смертный – прозвучало бы жалобно, наверное. Но мы, боги, едим, как и спим, лишь потому, что это одно из величайших наслаждений в жизни, а не потому, что должны. И бог, если он достаточно силен, может решить однажды не подчиняться более желудку. А в силе Прометея я не сомневалась. Столько времени просидев у ног отца, мощь я научилась нюхом чувствовать. У иных моих дядьев запах был слабее, чем у кресел под ними, а вот от деда Океана шел густой дух жирного речного ила, отец же пах как жгучее пламя очага, в который подкинули дров. Прометеев аромат зеленого мха заполнил зал.

Глядя в пустой кубок, я собиралась с духом.

– Ты помогал смертным. За это тебя наказали.

– За это.

– А какие они, смертные, мог бы ты рассказать?

Детский был вопрос, но Прометей серьезно кивнул.

– Одного ответа не дать. Все смертные различны. Единственное, что их объединяет, – смерть. Знаешь такое слово?

– Знаю. Но не понимаю.

– Как и всякий бог. Тела смертных рассыпаются в прах. А души превращаются в холодный дым и улетают в подземный мир. Там они не едят, не пьют, не чувствуют тепла. И все, к чему они тянутся, ускользает из рук.

У меня мороз по коже пробежал.

– И как они это выносят?

– Как могут.

Догорали факелы, тени обступали нас, как темная вода.

– Правда, что ты отказался просить прощения? И что тебя не поймали, ты сам признался Зевсу во всем?

– Правда.

– Зачем?

Он смотрел на меня пристально.

– Может, ты мне скажешь. Зачем богу так поступать?

Я не находила ответа. Навлекать на себя божественное возмездие казалось безумием, но как произнести это, стоя в луже его крови?

– Не всем богам быть одинаковыми, – сказал Прометей.

И тут я не знала, что ответить. Из коридора донесся отдаленный возглас.

– Тебе пора. Алектю надолго меня не оставляет. Ростки ее жестокости, подобно сорнякам, всходят быстро, их то и дело нужно сечь.

Странные слова, подумала я, ведь секли-то как раз его. Но мне они понравились, в них будто крылся секрет. Снаружи вроде бы камень, а внутри – семя.

– Тогда я пойду. С тобой ведь... все будет хорошо?

– Вполне. Как тебя зовут?

– Цирцея.

Он, кажется, слегка улыбнулся? А может, я льстила себе. Меня бросало в дрожь – столько я совершила поступков, больше, чем за всю свою жизнь. Я оставила его, пошла обратно по обсидиановым коридорам. Боги в пиршественном зале всё пили да смеялись, полулежа друг у друга на коленях. Я наблюдала за ними. Ждала, что кто-нибудь отметит мое отсутствие, но нет, никто и внимания не обратил. С чего бы? Я ничто, камешек. Обычная девочка-нимфа, одна из тысячи тысяч.

Незнакомое чувство нарастало во мне. В груди словно пчелиный рой гудел, почувавший оттепель. Я пошла в сокровищницу отца, полную сверкающих богатств: золотых кубков в форме бычьих голов, ожерелий из лазурита и янтаря, серебряных треножников, точеных кварцевых чаш с изогнутыми, как лебединые шеи, ручками. Больше всего мне нравился кинжал с мордой львицы, вырезанной на рукояти слоновой кости. Один царь преподнес этот кинжал отцу в надежде заслужить его расположение.

– И заслужил? – спросила я как-то.

– Нет, – ответил отец.

Я взяла кинжал, пошла в свою комнату. Бронзовое лезвие поблескивало в свете свечи, львица скалила зубы. А снизу была моя ладонь, мягкая, без линий. Ни шрама не останется на ней, ни гноящейся раны. Ни малейшего следа прожитых лет. Я поняла, что не боюсь предстоящей боли. Иной страх захватил меня: вдруг клинок ничего не порежет? Пройдет сквозь руку, будто погружаясь в туман.

Но этого не случилось. От соприкосновения с лезвием плоть раздалась, и меня пронзила горячая серебряная молния боли. Кровь потекла красная, я ведь не обладала дядиной силой. Рана долго кровоточила, но в конце концов стала затягиваться. И пока я сидела, смотрела на

нее, в голове моей возникла новая мысль. Простейшая, неловко даже говорить, – так ребенок осознает, что его рука принадлежит ему. Но я ведь и была тогда ребенком.

Мысль вот такая: жизнь моя проходит во мраке глубин, но я не темная вода. Я существо, в ней обитающее.

Глава третья

Проснувшись, Прометея я уже не застала. Золотую кровь стерли с пола. Дыру от наручников в стене запечатали. Сестрица-наяда рассказала новость: Прометея доставили на одну из зубчатых вершин Кавказа и там приковали к скале. Орлу приказано прилетать каждый день, выклеивать Прометееву печень и съесть еще не остывшей. Чудовищное наказание, говорила сестрица, смакуя подробности: окровавленный клюв, разодранная печень, вырастающая вновь лишь для того, чтоб ее вырвали снова. *Представляешь?*

Я закрыла глаза. Надо было принести Прометею копьё, какое-то оружие – он мог бы пробить себе путь к свободе. Глупости. Оружие ему не нужно. Он сам сдался.

Разговоров о постигшей Прометея каре хватило едва ли на месяц. Какая-то дриада ткнула грацию шпилькой. Мой дядя Борей и олимпиец Аполлон влюбились в одного смертного юношу.

Я дождалась, пока дядя на минутку перестанут судачить.

– Есть новости о Прометее?

Они сдвинули брови, будто я предложила им блюдо с протухшей едой.

– А какие могут быть новости?

Моя порезанная ладонь болела, но следов на ней, разумеется, не осталось.

– Отец, Зевс когда-нибудь отпустит Прометея?

Сидевший за шашками отец покосился на меня:

– Только если взамен возьмет что-нибудь получше.

– Что, например?

Отец не ответил. Чья-то дочь превратилась в птицу. Борей и Аполлон поссорились из-за своего возлюбленного, и тот погиб. Возлежавший на пиршественном ложе Борей хитро улыбнулся. Факелы затрепетали от его порывистого голоса.

– Думаете, я отдал бы его Аполлону? Слишком хорош для него такой цветок. Я дунул, и диск отлетел парню в голову. Проучил олимпийского хлыща.

Дядя расхохотался, и в этом хаосе звуков слышался дельфиний писк, тюлений лай, шлепки воды о камни. Мимо прошли nereиды, белые, как брюшко угря, – они направлялись домой, в свои соляные дворцы.

Перс кинул в меня миндальным орехом:

– Да что с тобой такое происходит?

– Может, она влюбилась, – сказала Пасифая.

– Ха! – Перс расхохотался. – Отец и замуж-то ее не может выдать. Поверь, он пытался.

Мать, полуобернувшись, взглянула на нас поверх изящного плечика:

– Ну хоть голос ее слушать не приходится.

– Я заставлю ее говорить, смотрите.

Перс ущипнул меня за предплечье и покрепче стиснул пальцы.

– Ты слишком долго пировал, – смеялась над ним сестра.

Перс вспыхнул:

– Да она просто чокнутая. Прячет что-то. – Он обхватил мое запястье. – Что ты там все время таскаешь? Держит что-то. Разожми-ка ей руку.

Пасифая один за другим отогнула мои пальцы, исколов своими длинными ногтями.

Они уставились на мою ладонь. Пасифая плюнула.

– Пусто.

* * *

Мать принесла очередного детеныша, мальчика. Отец благословил его, но ничего не напророчил, и тогда она огляделась по сторонам: кому бы отдать? Однако тетки, уже умудренные опытом, руки протягивать не спешили.

– Я его возьму, – сказала я.

Мать фыркнула было, но ей уж очень хотелось похвастать скорее новой нитью янтарных бус.

– Прекрасно. Хоть какая-то польза от тебя. Будете вместе кудахтать.

Эт – так отец нарек мальчика. *Орел*. Тельце его было теплым, как нагретый солнцем камень, и нежным, как бархатистый лепесток. Милее ребенка свет не видывал. Он пах медом и едва разведенным огнем. Ел из моих рук, не вздрагивал от моего тонкого голоса. Он засыпал под мои сказки, свернувшись и уткнувшись мне в шею, и больше ничего не хотел. Мы не расставались ни на минуту, я задыхалась от любви к нему, да так, бывало, что и говорить не могла.

Он, кажется, тоже меня полюбил – вот уж и впрямь чудо. Первое его слово было “Цирцея”, а второе – “сестра”. Мать, наверное, взревновала бы, если б обратила внимание. Перс и Пасифая следили за нами: начнем мы воевать? Воевать? Нас это не интересовало. Эт получил у отца разрешение покидать дворец и отыскал для нас пустынное местечко на морском берегу. Маленький блеклый пляж, где едва пробивались деревца, но мне он казался огромным, пышным девственным лесом.

Эт вырос в мгновение ока, меня перерос, а мы всё ходили за ручку. Как любовники, насмеялась Пасифая. Некоторые боги с братьями и сестрами спят, и мы, может, из таких? Я сказала: раз думаешь об этом, сама уже, видно, так и сделала. Неуклюжее оскорбление, но Эт рассмеялся, и я почувствовала себя находчивой, как Афина, блистательная богиня остроумия.

Потом будут говорить, что это из-за меня Эт вырос странным. Доказать обратного не могу. Но помню, он был странным с самого начала, не похожим ни на кого из знакомых мне богов. Еще в детстве он, кажется, понимал нечто такое, чего не понимали другие. Знал по именам чудовищ, обитавших во мраке морских впадин. Знал, что настой из трав, который Зевс влил Кроносу в глотку, называется “фармакон”. Эти травы могут творить чудеса, и многие из них растут там, где пролилась кровь богов.

Я качала головой:

– Как ты все это узнал?

– Я слушал.

Я тоже слушала, но не имела привилегий отцова наследника. Ээта звали теперь на все советы. Дядья стали приглашать его к себе во дворцы. Я ждала в своей комнате, когда он вернется, чтоб пойти с ним на тот пустынный берег и сидеть на камнях, чувствуя, как море брызжет на ноги. Я прижималась щекой к его плечу, а он задавал мне вопросы, которые я никогда не обдумывала и едва ли понимала. Например: *на что похожа твоя божественная природа?*

– То есть?

– Вот послушай, на что похожа моя. На столб воды, что непрерывно изливается сама на себя, прозрачная до самого каменистого дна. Теперь ты.

Я попробовала ответить. На ветры, овевающие утес. На кричащую чайку в гнезде.

Он покачал головой:

– Нет. Ты говоришь так, пытаясь мне подражать. На что она похожа в самом деле? Закрой глаза и подумай.

Я закрыла глаза. Смертный услышал бы биение собственного сердца. Но у богов кровь по жилам бежит еле-еле, и я, по правде говоря, ничего не слышала. Однако разочаровывать Ээта не хотелось. Я приложила руку к груди и через некоторое время вроде бы что-то почувствовала.

– Раковина.

– Ага! – Он взболтал пальцем воздух. – Двустворчатая или витая?

– Витая.

– А что в раковине? Улитка?

– Ничего. Воздух.

– Это разные вещи, – возразил Ээт. – Ничего – значит пустота, а воздух – то, чем наполнено все остальное. Он – дыхание, и жизнь, и дух, и слова, что мы произносим.

Брат мой, ты философ. Знаешь ли, сколько богов таковы? Я знакома лишь с одним. Над нами голубел небесный свод, но я вновь оказалась в том темном зале, увидела кровь, кандалы. И сказала:

– У меня есть тайна.

Ээт удивленно приподнял брови. Подумал, я шучу. Мне не могло быть известно неизвестное ему.

– Это случилось до твоего рождения, – объяснила я.

Слушая о Прометее, Ээт не смотрел на меня. Брат всегда говорил, что разум его работает лучше, если не отвлекается. Ээт не отрывал глаз от горизонта. Острые, как у орла, чьим именем он был назван, глаза эти проникали в суть вещей сквозь малейшие трещины, как вода просачивается в прохудившийся корпус корабля.

Я закончила, а Ээт еще долго молчал. И наконец сказал:

– Прометей был богом прорицания. Наверняка он знал, что его покарают – и как покарают. И все равно это сделал.

Такое мне в голову не приходило. Значит, добывая огонь для людей, Прометей уже знал, что в конце пути его ожидает орел и одинокий, вековечный утес.

Вполне, ответил он на мой вопрос, все ли с ним будет хорошо.

– Кто еще об этом знает?

– Никто.

– Точно? – переспросил брат с непривычной настойчивостью. – Ты никому не сказала?

– Нет. Да и кому говорить? Кто бы мне поверил?

– Верно. – Ээт коротко кивнул. – Больше никому не рассказывай. Никогда не говори об этом, даже со мной. Повезло тебе, что отец не узнал.

– Думаешь, он очень разозлился бы? Прометей ведь его двоюродный брат.

Ээт фыркнул:

– Мы все двоюродные братья и сестры, включая олимпийцев. Ты выставила бы отца глупцом, который за собственным чадом не может уследить. Он бы тебя воронам выкинул.

У меня нутро сжалось от ужаса, а брат, увидев мое лицо, рассмеялся:

– Вот именно. И ради чего? Прометея все равно покарали. Дам тебе совет. Когда вздумаешь снова перечить богам, найди повод посерьезнее. Очень не хотелось бы видеть, как сестру мою испепелят ни за что.

* * *

Пасифаю выдавали замуж. Она давно уже просилась, то и дело, усаживаясь к отцу на колени, мурлыкала, как не терпится ей нарожать детей какому-нибудь достойному богу. Заручилась поддержкой Перса, и тот во время каждой трапезы поднимал кубок за созревшую сестру.

– Минос, – сказал возлежавший на ложе отец. – Сын Зевса и царь Крита.

– Смертный? – Мать приподнялась. – Ты говорил, она выйдет за бога.

– Я говорил, за вечного сына Зевса, а он такой и есть.

Перс ухмыльнулся:

– Ох уж эти пророчества... Он умрет или нет?

Вспышка озарила комнату, жгучая, как сердцевина пламени.

– Довольно! В загробном мире Минос будет повелевать прочими смертными душами.

Имя его не забудется в веках. Все решено.

Брат не посмел ничего больше сказать, и мать тоже. Ээт перехватил мой взгляд, и я услышала его слова, будто произнесенные вслух. *Видишь? Повод недостаточно серьезный.*

Я думала, сестра расплатится: так ее низвести! Но поглядела – а она улыбается. Почему, я не понимала, да и мысли мои приняли иное направление. Меня бросило в жар. Где Минос, там и его семья, и двор, и советники, его подручные, астрономы, виночерпии и слуги и слуги слуг. Все те существа, ради которых Прометей не пожалел своей вечности. Смертные.

* * *

В день свадьбы отец повез нас за море на своей золотой колеснице. Пировать гостей пригласили на Крит, в знаменитый Кносский дворец Миноса. Стены дворца были заново оштукатурены, все вокруг убрано яркими цветами; гобелены отливали ярчайшим шафраном. Ожидали не только титанов. Раз Минос сын Зевса, значит, и подхалимы-олимпийцы придут засвидетельствовать почтение. Боги во всем своем великолепии стремительно заполняли длинные дворцовые колоннады, смеясь и позвякивая украшениями, осматривались по сторонам, отмечая, кто еще приглашен. Плотней всего толпились вокруг отца – бессмертные разных мастей протискивались к нему, чтобы поздравить с заключением блестящего союза. Особенно радовались дядья: пока этот брак в силе, Зевс вряд ли выступит против нас.

Сидевшая на помосте для новобрачных Пасифая сияла как роскошный спелый плод. Кожа ее отливала золотом, волосы блестели, словно солнце на шлифованной бронзе. Вокруг теснилась сотня нимф, и каждая во что бы то ни стало хотела сообщить Пасифае, как та прекрасна.

Я стояла в стороне, подальше от толчеи. Мимо проходили титаны: моя тетка Селена и дядя Нерей, влачивший за собой водоросли, Мнемосина, прародительница воспоминаний, и девять ее легконогих дочерей. Мой ищущий взгляд перебегал с одного гостя на другого.

И наконец я увидела их в уголке. Они стояли, склонив друг к другу головы, – скопище невзрачных фигурок. Прометей сказал, что все смертные разные, но я видела лишь однообразную толпу – тусклая кожа, испарина, измятая одежда. Я чуть приблизилась. Волосы у них были жидкие, плоть дряблая, обвисшая. Я представила, как подхожу и прикасаюсь к этой увядающей коже. В дрожь бросило от одной мысли. Мне уже приходилось слышать истории, которые рассказывали друг другу шепотом сестрицы, – о том, что могут сделать смертные с одинокой нимфой, попадись она им. Оскорбить, похитить, изнасиловать. Верилось в это с трудом. Они казались хрупкими, как пластинки на шляпке гриба. Стояли, осмотрительно потупив глаза, подальше от всех этих божеств. У смертных ведь были свои истории – о том, что может случиться, если свяжешься с богами. Взглянул не вовремя, ступил не туда – и вот уже навлек гибель и бедствия на всю свою семью вплоть до двенадцатого колена.

Это великая цепь страха, думала я. Наверху Зевс, мой отец – следующий. Потом братья, сестры и дети Зевса, затем мои дядья, а дальше божества всякого старшинства – речные боги и владыки морей, эринии, ветры, грации и, наконец, в самом низу, – мы, нимфы и смертные, – наблюдаем друг за другом.

Пальцы Ээта сомкнулись на моей руке.

– Ничего в них нет интересного, правда? Идем, я нашел олимпийцев.

Я шла за ним, а внутри пульсировала кровь. Никогда еще не доводилось мне их видеть – божеств, что правят с небесных тронов. Ээт подвел меня к окну, выходявшему в залитый ослепительным солнцем внутренний двор. Они стояли там. Аполлон – властитель лиры и сверкающего лука. Его сестра-близнец, лунная богиня Артемида, безжалостная охотница. Гефест, бог-кузнец, изготовивший цепи, что намертво сковали Прометея. Угрюмый Посейдон, чей трезубец повелевает волнами, и Деметра, госпожа изобилия, целый мир питающая своими урожаями. Я смотрела во все глаза, как плавно они движутся, будто облитые силой. Перед ними, казалось, сам воздух расступался.

– Видишь Афины? – прошептала я.

Всегда мне нравились истории о сероокой воительнице, богине мудрости, чья мысль стремительней удара молнии. Но Афина не явилась. Может, предположил Ээт, она слишком горда, чтобы якшаться с приземленными титанами. Или слишком мудра, чтобы затеряться в толпе поздравляющих. А может, она все же здесь, просто невидима, даже для богов. Афина в числе самых могущественных олимпийцев и способна стать невидимой, чтобы наблюдать за потоками силы и слушать наши тайны.

При мысли об этом у меня мурашки побежали по затылку.

– Думаешь, она и сейчас нас слышит?

– Глупости. Ей великие боги интересны. Смотри, Минос идет.

Минос, царь Крита, сын Зевса и смертной женщины. Таких, как он, называли “полу-боги” – смертные, освященные, однако, божественным происхождением. Минос возвышался над своими советниками – волосы густые, как непролазная чаща, грудь широкая, как корабельная палуба. Темный блеск его глаз под золотой короной напомнил мне обсидиановые стены в отцовском дворце. Но, положив руку на изящное предплечье моей сестры, Минос вдруг сделался похожим на зимнее дерево – невзрачным и ссохшимся. По-моему, он это понял и помрачнел, отчего Пасифая заблестала еще ярче. Здесь она будет счастливой, подумала я. Или исключительной, что для нее одно и то же.

– Смотри, – сказал Ээт, наклонившись к моему уху. – Вон туда.

Он указывал на смертного – мужчину, которого я раньше не заметила, державшегося независимее остальных. Молодой, обрит наголо, по-египетски, лицо спокойных очертаний. Он мне понравился. Его ясные глаза не были затуманены вином, как у прочих.

– Он не может не понравиться, – сказал Ээт. – Это Дедал. В мире смертных он диво, искусный мастер, почти что богу равный. Когда сам стану царем, тоже окружу себя такими жемчужинами.

– Правда? И когда ты станешь царем?

– Скоро. Отец жалуется мне царство.

Я подумала, он шутит.

– А можно мне в нем жить?

– Нельзя, – ответил Ээт. – Оно мое. А ты должна обрести свое.

Ээт держал меня под руку, как обычно, но внезапно все изменилось – он говорил со свободным размахом, будто мы два существа, привязанные к разным веревочкам, а не друг к другу.

– Когда? – прохрипела я.

– После свадьбы. Отец хочет сразу меня отвезти.

Сказал об этом как о чем-то несущественном. А я почувствовала, что каменею. Вцепилась в него и начала:

– Почему же ты мне ничего не сказал? Ты не можешь меня оставить. Что я стану делать? Не представляешь, каково было прежде...

Он стянул мои руки со своей шеи:

– Ни к чему устраивать сцену. Ты знала, что так будет. Не всю же жизнь мне гнить под землей, не имея ничего своего.

А как же я, хотелось спросить. Мне, значит, гнить?

Но он уже отвернулся и говорил с кем-то из дядьев, а едва супружеская чета удалилась в спальню, взошел на отцовскую колесницу. И исчез в золотом вихре.

* * *

Вскоре ушел и Перс. Никто не удивился – без Пасифаи дворец для него опустел. Он сказал, что отправляется на восток, жить с персами. Их называют как меня – таково было его бессмысленное объяснение. А еще я слышал, они умеют вызывать сущности, именуемые демонами, и хочу на них посмотреть.

Отец нахмурился. Он невзлюбил Перса еще с тех пор, как тот высмеял его в разговоре о Миносе.

– С чего это у них демонов больше, чем у нас?

Перс не стал утруждать себя ответом. Помощь отца, чтобы переправиться по воздуху, ему не требовалась – он уходил водными путями. *Хоть не придется больше слушать твой голос* – вот что сказал мне Перс на прощание.

Всего за несколько дней жизнь моя отмоталась назад. Отец разъезжал на колеснице, мать нежилась на берегах реки Океана, а я снова стала ребенком и ждала их. Сидела в пустынных залах, и в горле саднило от одиночества, а когда больше не могла этого выносить, убегала на наш с Ээтом пустынный берег. Там находила камни, которых касались пальцы Ээта. Бродила по песку, который рыхлили его ноги. Конечно, он не мог остаться. Он был богом, сыном Гелиоса, ярким, блистательным, обладал умом и правом голоса и мог рассчитывать на трон. А я?

С какими глазами Ээт слушал мои мольбы, я помнила. И, хорошо его зная, могла прочесть этот взгляд, обращенный ко мне. *Повод недостаточно серьезный.*

Сидя на камнях, я вспоминала истории о нимфах, которые плакали до тех пор, пока не обращались в камни или крикливых птиц, в бессловесных зверей или стройные деревья, – и мысли их навечно покрывались корой. А я и этого не могла, похоже. Замкнутая в своей судьбе, как в гранитных стенах. Надо было поговорить с теми смертными. Попросить кого-нибудь на мне жениться. Я ведь дочь Гелиоса, один из этих потрепанных мужчин непременно меня взял бы. Всё лучше, чем так.

Тут-то и появилась лодка.

Глава четвертая

Корабли я видела на картинах, знала о них по рассказам. Золотыми, громадными, будто морские чудовища, изображались они, с резными поручнями из рога и слоновой кости. Ухмылявшиеся дельфины влекли их за собой или направляла команда из полусотни черноволосых nereид, среброликих, как луна.

У этого мачта была толщиной с деревце. Парус рваный, перекошенный, борта в заплатках. Помню, сердце подскочило к горлу, когда рыбак поднял голову. Его загорелое лицо блестело на солнце. Смертный.

Люди расселялись по земле. С тех пор как мой брат отыскал для наших игр этот пустынный уголок суши, прошли годы. Спрятавшись за выступом скалы, я наблюдала, как человек правит лодкой, огибает камни, тянет сети. Он был совсем не похож на холеных придворных Миноса. Волосы длинные, черные, слипшиеся от соленых брызг. Одежда изношена, шея в струпьях. На руках я увидела шрамы, оставленные рыбой чешуей. Неземной грациозностью он не отличался, зато двигался решительно и четко – так прочный корпус корабля рассекает волны.

Стук сердца отдавался в ушах. Я опять вспомнила истории о нимфах, оскорбленных, изнасилованных смертными. Но лицо этого человека было по-юношески мягким, а руки, тянувшие из моря улов, выглядели проворными, но не безжалостными. И как-никак в небе над моей головой – отец, которого называют Всевидящим. Если окажусь в опасности, он придет.

Лодка уже приблизилась к берегу, человек всматривался в воду, выслеживая рыбу, невидную мне. Сделав глубокий вдох, я вышла на песчаный пляж:

– Приветствую тебя, смертный!

Он неловко дернул сеть, но из рук не выпустил.

– Приветствую! К какой богине я обращаюсь?

Голос его, приятный, как летний ветерок, ласкал слух.

– К Цирцее.

– А!

Лицо его оставалось осторожно-непроницаемым. Много позже он объяснил, что услышал это имя впервые и побоялся меня обидеть. Человек преклонил колени на неструганых досках палубы:

– Высокочтимая госпожа! Я вторгся в границы твоих вод?

– Нет. Я не владею водами. А это лодка?

Лицо человека меняло выражения, но истолковать их я не могла.

– Лодка.

– Мне бы хотелось на ней прокатиться.

Он помедлил, а затем направил лодку к берегу, но я не знала, что нужно подождать. Пошла к нему по воде и взобралась на борт. Сквозь подошвы сандалий я почувствовала, как горяча палуба, мне понравилось ее легкое, волнообразное покачивание – будто едешь на змее.

– Поплыли.

Как скованна я была, облаченная в свое божественное величие, о котором даже не подозревала. А он и того скованней. Я касалась его рукавом – он вздрагивал. Обращалась к нему – тут же отводил глаза. И вот что меня поразило вдруг: мне понятно его поведение. Я и сама так вела себя тысячу раз – в присутствии отца, деда и других могущественных богов, шагавших через мою жизнь. *Великая цепь страха.*

– Нет-нет, – успокоила я его. – Я не такая. Я не причиню тебе вреда, у меня и силы-то нет почти. Чувствуй себя свободно, как прежде.

– Благодарю, добрая богиня, – ответил он, но так дрожал при этом, что я невольно рассмеялась.

Этот-то смех, видно, и успокоил его немного – скорее, чем мои уверения. Одна минута сменялась другой, и мы разговорились – обо всем вокруг: вот рыба играет, вот птица падает камнем вниз. Я спросила, как сделаны его сети, и он принялся увлеченно рассказывать, потому что очень о них заботился. Когда я назвала имя своего отца, человек глянул на солнце и затрясся пуще прежнего, но настал вечер, а гнев так и не пал на наши головы, и рыбак, преклонив передо мной колени, сказал, что я, должно быть, благословила его сети, ибо они полны как никогда.

Я смотрела на его густые черные волосы, блестящие в закатном свете, на сильные плечи, согнутые в низком поклоне. Этого и жаждут все боги в наших дворцах – поклонения. Но может, он делал что-то не то, или, скорее, не он, а я. Мне хотелось лишь снова увидеть его лицо.

– Встань. Прошу тебя. Я не благословляла твои сети, не наделена такой способностью. Я родилась наядой. Наяды управляют только пресными водами, и их умения скромны, но у меня и тех нет.

– И все же можно мне приехать снова? Ты придешь сюда? Я ведь в жизни никого чудеснее тебя не видывал.

Я ощущала не раз, совсем близко, излучаемый отцом свет. Держала на руках Ээта, спала под кипой толстых шерстяных одеял, сотканных бессмертными руками. Но до этого момента, кажется, и не знала тепла.

– Да. Я приду.

Его звали Главк, и приезжал он каждый день. Привозил с собой хлеб, которого я прежде не пробовала, сыр, который пробовала, и оливки, в которые он впивался зубами, а мне так нравилось на это смотреть. Я спросила его о семье, и он рассказал, что отец старый и злой, все время ругается и тревожится о пропитании, мать разводила лекарственные травы, но слишком много работала и надорвалась, а у сестры уже пятеро детей, она вечно больна и сердита. И если они не заплатят хозяину оброк, всех их выгонят из дому.

Никто еще настолько мне не доверялся. Я жадно впитывала его рассказы – так водоворот всасывает воду, – хотя едва ли и отчасти понимала, о чем в них говорится, что есть бедность, тяжелый труд и человеческий страх. Ясным было лишь лицо Главка, красивый лоб, серьезные глаза, которые порой увлажнились слегка от огорчений, но всегда улыбались, глядя на меня.

Я любила наблюдать, как он делает обычную работу – руками, а не всплеском божественной силы: чинит порванные сети, моет палубу, кремнем высекает искру. Разводя костер, он сначала старательно, по-особому клал кусочки сухого мха, потом тонкие веточки, затем потолще, и так далее, все выше и выше. Об этом искусстве я тоже ничего не знала. У моего отца дерево и само охотно разгоралось.

Он видел, что я за ним наблюдаю, и смущенно потирал мозолистые руки:

– Я кажусь тебе уродливым, знаю.

А я думала: нет. Дворец моего деда полон сияющих нимф и мускулистых речных богов, но мне куда больше нравится рассматривать тебя.

Я покачала головой.

Он вздохнул:

– Чудесно, наверное, быть богом – ничто не оставляет на тебе следов.

– Мой брат как-то сказал: чувствую себя водой.

Он задумался:

– Да, это я могу представить. Ты словно переполнен, как чаша, налитая до краев. А что за брат? Ты о нем раньше не говорила.

– Он теперь царствует далеко отсюда. Его зовут Ээт. – Непривычно ощущалось на устах это имя столько времени спустя. – Я бы поехала с ним, но он не разрешил.

– Да он глупец, видно.

– Почему же?

Главк поднял на меня глаза:

– Ты золотая богиня, добрая и прекрасная. Будь у меня такая сестра, ни за что бы с ней не расстался.

* * *

Руки наши соприкасались, если я стояла у борта, а Главк работал рядом. Когда мы сиделись, мой подол ложился ему на ноги. Я ощущала теплоту его чуть огрубевшей кожи. И порой роняла что-нибудь нарочно, он поднимал, и мы притрагивались друг к другу.

В тот день Главк, встав на колени, разводил на берегу костер, чтобы приготовить обед. На это мне по-прежнему больше всего нравилось смотреть – простое земное чудо, творимое с помощью кремня и трута. Волосы падали ему на глаза, так красиво, щеки его алели в свете пламени. Я вдруг вспомнила о своем дяде, даровавшем Главку огонь. И сказала:

– Однажды я встречалась с ним.

Главк жарил насаженную на вертел рыбу.

– С кем?

– С Прометеем. Когда Зевс его наказал. Я принесла ему нектар.

Главк поднял голову:

– С Прометеем.

– Да. – Обычно он быстрее соображал. – Огненосцем.

– Это было поколений двенадцать назад.

– Больше. Гляди, твоя рыба!

Вертел повис в его руке, и рыба чернела на углях.

Главк не стал ее спасать. Взгляд его был прикован ко мне.

– Но ты моя ровесница.

Мое лицо обмануло Главка. Молодое, как и у него.

– Нет, – рассмеялась я. – Не ровесница.

Прежде он сидел, чуть завалившись на бок, касаясь моего колена своим. А теперь резко выпрямился, отстранился, так быстро, что я почувствовала холод там, где сейчас только чувствовала его. Такого я не ожидала.

– Эти годы ничто. Я прожила их без пользы. Ты знаешь о мире не меньше моего.

Я потянулась к его руке.

Но Главк руку отдернул:

– Что ты такое говоришь? Сколько тебе лет? Сто? Двести?

Я чуть не рассмеялась снова. Но у него шея напряглась, глаза округлились. Между нами в костре дымилась рыба. Я так мало рассказывала ему о своей жизни. Да и что рассказывать? Одна жестокость да насмешки за спиной. В то время мать пребывала в особенно скверном настроении. Отец все чаще предпочитал ей шашки, и злобу она изливала на меня. Стоило мне появиться, кривила рот. *Цирцея безмозгая, как камень. В земле больше ума, чем у Цирцеи в голове. У Цирцеи волосы свалялись, как собачья шерсть. Если еще раз услышу этот надтреснутый голос!.. Почему из всех наших детей осталась именно она? Никому не нужна больше.* Если отец и слышал, то виду не подавал, только молча переставлял шашки. В прежние времена я забила бы в свою комнату, заливаясь слезами, но с тех пор, как появился Главк, все эти речи были для меня что пчелы без жала.

– Прости, – сказала я. – Глупая шутка, только и всего. Я вовсе с ним не встречалась, хоть и рада бы. Мы ровесники, не беспокойся.

Он не сразу, но обмяк. Шумно выдохнул:

– Ха! Представь только! Если б ты и правда жила тогда!

Он пообедал. Обьедки бросил чайкам, потом погнался за ними, взмывающими в небо. Обернувшись, широко улыбнулся мне – его силуэт вырисовывался на фоне серебристых волн, плечи вздымались под хитоном. Сколько бы ни смотрела я впредь, как он разводит костер, о дяде больше не заговаривала.

* * *

Однажды лодка появилась поздно. Главк не бросил якорь, просто стоял на палубе с застывшим, мрачным лицом. На щеке его красовался синяк, темный, как штормовое море. Отец побил Главка.

– Ох! – У меня заколотилось сердце. – Тебе нужно передохнуть. Сядь рядом, я принесу воды.

– Нет. – Так резко он со мной еще не говорил. – Не сегодня, и никогда больше. Отец говорит, я бездельник, улов маленький. И мы умрем с голоду из-за меня.

– И все же сядь и позволь тебе помочь.

– Ты не можешь помочь. Сама говорила. У тебя нет никакой силы.

Я смотрела, как он уплывает. А потом, не помня себя, помчалась к деду во дворец. По сводчатым коридорам я бежала на женскую половину, оглашаемую стуком ткацких челноков, звоном браслетов да кубков. Мимо наяд, мимо гостивших здесь дриад и нерейд, к дубовому табурету на помосте, где восседала моя бабка.

Тефида – так ее звали, великая питательница всех земных вод, рожденная подобно своему мужу на заре времен самую мать-землей. Подол ее платья растекался озером, а шею обвивал, словно шарф, водяной змей. На стоявшем перед ней золотом станке растянулось сотканное ею полотно. Лицо у бабки было старое, но не морщинистое. Бесчисленных сыновей и дочерей излила ее утроба, и до сих пор они приводили к Тефиде своих отпрысков для благоговения. Я и сама однажды стояла перед ней на коленях. Она коснулась моего лба кончиками нежных пальцев. *Добро пожаловать, дитя!*

И вот я вновь упала перед ней на колени.

– Я Цирцея, дочь Персеиды. Ты должна мне помочь. Одному смертному очень нужен улов. Я не способна его одарить, но ты способна.

– Он благороден? – спросила бабка.

– От природы. Имуществом беден, зато духом богат и мужеством и сияет как звезда.

– А что этот смертный даст тебе взамен?

– Даст мне?

Бабка покачала головой:

– Моя дорогая, они должны непременно что-нибудь дать, хоть самую малость, хоть вина возлить в твой источник, а то потом забудут о благодарности.

– У меня нет источника, и благодарность мне не нужна. Прошу! Если не сможешь, я никогда больше его не увижу.

Бабка, поглядев на меня, вздохнула. Она такие мольбы, наверное, тысячу раз слышала. Здесь боги и смертные схожи. В молодости нам кажется, что чувств, подобных нашим, не испытывал никто и никогда.

– Я наполню его сети, будь по-твоему. Но в ответ поклянись, что не ляжешь с ним. Твой отец, знаешь ли, надеется подобрать тебе пару получше, чем какой-то рыбак.

– Клянусь.

* * *

Главк вернулся, он несся по волнам, громко меня окликая. Говорил захлебываясь. Ему даже сети забрасывать не пришлось. Рыбы сами прыгали на палубу, огромные, величиной с коров. Отец успокоился, оброк уплачен, и даже за год вперед. Главк встал передо мной на колени, склонил голову:

– Благодарю тебя, богиня.

Я подняла его:

– Не становись на колени передо мной, это моя бабка сделала.

– Нет. – Он взял меня за руки. – Это ты. Ты ведь ее упростила. Цирцея, ты чудо, подарок судьбы, ты спасла меня.

Он прижался теплыми щеками к моим рукам. Коснулся губами моих пальцев. И выдохнул:

– Хотелось бы мне быть богом, чтобы достойно тебя отблагодарить.

Кудри его обвили мое запястье. Как хотелось мне быть настоящей богиней и приносить ему китов на золотом блюде, чтоб он никогда со мной не расставался.

Каждый день мы садились рядом и беседовали. Он был исполнен мечтаний, надеялся, что, повзрослев, обзаведется собственной лодкой, переселится из отцовского дома в собственный.

– И там всегда будет гореть огонь, – добавил Главк, – для тебя. Если только позволишь.

– Пусть лучше будет кресло, чтобы мне приходиться и беседовать с тобой.

Он вспыхнул, и я тоже. Я так мало знала тогда. В праздных беседах о любви вместе со своими братьями и сестрами, широкоплечими богами да гибкими нимфами, никогда не участвовала. Ни разу не ускользала с поклонником в укромный уголок. До того мало знала, что даже не могла сказать, чего хочу. Вот я коснусь рукой его руки, склонюсь к нему для поцелуя, а что потом?

Он смотрел на меня пристально. Лицо его, подвижное как песок, выражало сотню ощущений.

– Твой отец... – Главк слегка запнулся – всегда робел, говоря о Гелиосе. – Он выберет тебе мужа?

– Да.

– А какого мужа?

Я чуть не расплакалась. Вот бы прижаться к нему и сказать: я так хочу, чтобы это был ты, – но между нами стояла моя клятва. И я заставила себя говорить правду – что отец подыскивает царевича или, может, иноземного царя.

Опустив глаза, он разглядывал свои руки.

– Ну конечно, конечно. Ты ему очень дорога.

Я не стала его поправлять. А вечером, вернувшись во дворец, опустилась на колени у ног отца и спросила, можно ли смертного сделать богом.

Сидевший за шашками Гелиос досадливо поморщился:

– Знаешь же, что нет, если только так не распорядились звезды. Изменить сплетенное мойрами даже мне не под силу.

Я больше ничего не сказала. Мысли сменяли одна другую. Если Главк останется смертным, то состарится, а если состарится, то умрет, и наступит день, когда я приду на наш берег, а он нет. Прометей говорил мне, но я не поняла. Какая дура. Бестолковая дура. В ужасе я снова кинулась к бабке.

– Этот человек, – проговорила я, едва дыша. – Он умрет.

Ее дубовый табурет задрапирован был тончайшим полотном. В руках она держала пряжу, зеленую, как речные камни. И наматывала на челнок.

– Ах, внученька! Ну конечно умрет. Он смертный, таков их удел.

– Это несправедливо. Это невозможно.

– Что не одно и то же, – заметила бабка.

Сияющие наяды, все до единой, оставили разговоры, повернулись и слушали нас. А я настаивала:

– Ты должна мне помочь. Великая богиня, не могла бы ты взять его к себе во дворец и сделать бессмертным?

– Ни один бог такого не может.

– Я люблю его. Должен же быть выход!

Она вздохнула:

– Знаешь, сколько нимф до тебя надеялись на это, да только напрасно?

Мне не было дела до этих нимф. Они не дочери Гелиоса и не слушали с детства о том, как рушится мир.

– Может, существует какое-нибудь... – Я не находила слова. – Какое-нибудь средство? Какой-то договор с богинями судьбы, какая-то хитрость, *фармакон*...

Этим словом Ээт называл чудодейственные травы, выращавшие на земле, политой кровью богов.

Морской змей на бабкиной шее выпрямился, черный язык мелькнул в его стреловидной пасти.

– И ты смеешь говорить об этом? – сказала бабка грозно, понизив голос.

Эта внезапная перемена удивила меня.

– Говорить о чем?

Но она уже поднималась, вырастая передо мной во весь рост.

– Дитя, я сделала для тебя все, что можно, больше сделать нечего. Иди прочь, и чтобы я впредь не слышала от тебя таких нечестивых слов.

В голове у меня бурлило, во рту саднило, будто от молодого вина. Я шла обратно мимо кушеток, кресел, меж юбок шептавшихся и ухмылявшихся наяд. *Думает, если она дочь солнца, так может весь мир раскорчевать ради своего удовольствия.*

Я до того обезумела, что и не стыдилась. Точно. Я не только раскорчю этот мир, но разорву на части, испепелю, совершу любое злодеяние, какое смогу, лишь бы Главк остался со мной. Из головы, однако, не выходило выражение лица бабки, услышавшей это слово: *фармакон*. Подобное на лицах богов я видела нечасто. Зато я видела Главка, когда он говорил об оброке, пустых сетях и своем отце. Я начинала понимать, что такое страх. Чего мог бояться бог? Это я понимала тоже.

Силы, превосходящей его собственную.

Я все же кое-чему научилась у матери. Я завилла и перевязала волосы, надела свое лучшее платье, самые яркие сандалии. И пошла к отцу на пир, где собрались все мои дядья, возлегли на пурпурных ложах. Я наливала им вино, смотрела в глаза, улыбалась и обвивала руками их шеи. Дядя Протей, говорила я. Это тот, у которого тюленья мясо застревало в зубах. Ты храбр и был доблестным военачальником. Не расскажешь ли мне о сражениях, где они шли? Дядя Нерей, а ты? Ты был владыкой морей, пока олимпиец Посейдон все у тебя не отнял. Я так хочу узнать о великих деяниях нашего рода, расскажи мне, где изобильнее всего лилась кровь.

Я все это у них выпытывала. Узнавала названия множества мест, где земля удобрена божественной кровью, узнавала, как их найти. И наконец услышала об одном неподалеку от нашего с Главком берега.

Глава пятая

– Идем, – звала я.

Был жаркий полдень, земля крошилась под нашими ногами.

– Здесь совсем недалеко. Отличное местечко, чтобы вздремнуть, дать отдых твоим усталым косточкам.

Он шел за мной, угрюмый. Вечно был не в духе, когда солнце высоко.

– Не люблю так далеко уходить от лодки.

– С твоей лодкой ничего не случится, обещаю. Гляди! Вот мы и пришли. Ради этих цветов разве не стоило пройтись? Такие красивые, бледно-желтые и похожи на колокольчики.

Я увлекала его вниз, в гущу цветения. Я взяла с собой воду и корзину с едой. Знала, что отец наблюдает сверху. И если уж он следит за нами, пусть все это выглядит как пикник. Неизвестно, что бабка могла ему наговорить.

Я потчевала Главка, смотрела, как он ест. И думала: став богом, каков он будет из себя? Неподалеку располагался лес, его густая тень укроет нас от отцовского глаза. Когда Главк перевоплотится, я уведу его туда и покажу, что клятва моя больше нам не помеха.

Я положила подушку на землю:

– Приляг. Поспи. Ведь самое время поспать?

– Голова болит, – пожаловался он. – И солнце в глаза светит.

Я пригладила ему волосы, пересела, чтобы заслонить солнце. Главк вздохнул. Он все время уставал, и уже через мгновение глаза его закрылись.

Я поворошила цветы, уложила их на Главка. И подумала: сейчас. *Сейчас*.

Но он продолжал спать, как сто раз уже спал на моих глазах. Я-то воображала, что стоит цветам коснуться Главка, и он перевоплотится. Заключение в них бессмертная кровь тут же просочится в его вены, он поднимется уже богом, возьмет меня за руки и скажет: “Теперь я могу достойно тебя отблагодарить”.

Я опять поворошила цветы. Сорвала несколько и бросила Главку на грудь. Дунула на них, чтоб его окутало облако пыльцы и аромата.

– Превратите его, – прошептала. – Он должен стать богом. Превратите.

Главк спал. Цветы стояли вокруг, свесив головки, бледные и хрупкие, как крылья мотылька. А меня разъедало изнутри. Может, это не те цветы. Надо было сначала все разведать, но мне уж очень не терпелось. Я встала, побродила по склону холма в надежде обнаружить поросль других цветов – ярких, багровых, явно источающих силу. Но нашла только самые обыкновенные, что растут на любом холме.

Скорчившись подле Главка, я заплакала. Рожденные наядами могут лить слезы целую вечность, и мне, кажется, нужна была вечность, чтобы выплеснуть все свое горе. Ничего не получилось. Ээт ошибся, нет никаких чудодейственных трав, и однажды я потеряю Главка навсегда, его прелесть, его брэнная красота истлеет в земле. По небу катился своим путем отец. А глупые, вялые цветы качали головками. Я их возненавидела. Взяла охапку и выдрала с корнем. Изорвала лепестки. Изломала стебли. Влажные обрывки прилипали к моим ладоням, по рукам стекал сок. Аромат усилился, резкий, буйный, уксусный, как запах старого вина. Горячими, липкими руками я сорвала еще охапку. В ушах, как в улье, стояло темное гудение.

Трудно описать, что случилось потом. Проснулось знание, дремавшее в глубинах крови. Будто кто зашептал: сила этих цветов – в их соке, который может преобразить любое существо, явив его истинную суть.

Медлитель и сомневаться я не стала. Солнце уже ушло за горизонт. Рот Главка приоткрылся во сне, я поднесла к нему охапку цветов и стала выжимать. Сок вытекал, накапливался. Одна за другой молочно-белые капли скатывались Главку в рот. Бусинка сока упала мимо, ему на

губу, и я смахнула ее пальцем на язык. Главк закашлял. Твоя истинная суть, сказала я ему. Пусть проявится.

Нарвав еще охапку, я склонилась над ним. Все поле в него выжму, если придется. Но стоило подумать об этом, как по лицу Главка пробежала тень. На моих глазах она темнела. Стала коричневой, затем лиловой, расплылась словно синяк, и вот все тело Главка сделалось темно-синим, как море. Его руки, ноги, плечи раздувались. На подбородке пробивалась и быстро отрастала малахитовая борода. Хитон разошелся, и на груди образовались бугры. Я смотрела во все глаза. Это были ракушки.

– Главк! – прошептала я.

Рука его стала иной на ощупь, твердой, плотной, чуть прохладной. Я тряхнула ее. Проснись!

Он открыл глаза. И пока длился один вздох, лежал неподвижно. Потом вскочил, вздымаясь надо мной подобно штормовой волне, – морской бог, каким он и был всегда. Цирцея, воскликнул, я превращен!

* * *

Не время было идти в лес, привлекать его к себе на зеленом мху. От своей новой силы Главк просто обезумел, храпел, как бык, почуявший весну.

– Гляди! – Он вытягивал руки. – Ни болячек. Ни шрамов. И я не чувствую усталости. Впервые за всю свою жизнь не чувствую усталости! Целый океан могу переплыть. Хочу на себя посмотреть. Как я выгляжу?

– Как бог.

Он схватил меня за руки и закружил, его белые зубы сверкали на синем лице. Потом остановился, озаренный новой мыслью.

– Теперь я могу пойти с тобой. Могу пойти во дворцы богов. Ты отведешь меня?

Я не могла ему отказать. Повела к бабке. И хотя у меня слегка дрожали руки, произнесла заготовленную ложь. Он заснул на лугу и проснулся таким.

– Видно, мое желание сделать его бессмертным оказалось пророческим. С детьми моего отца такое случается.

Бабка едва слушала. Она ничего не заподозрила. Меня никогда ни в чем не подозревали.

– Брат! – воскликнула она, обнимая его. – Новоявленный брат! Это деяние богинь судьбы. Добро пожаловать, живи в моем дворце, пока не обретешь собственный.

По берегу мы больше не гуляли. Каждый день я проводила во дворце с богом Главком. Мы сидели на берегах сумеречной дедовой реки, и я знакомила Главка со всеми своими тетями, дядями, двоюродными братьями и сестрами, скороговоркой перечисляя нимф по именам, хотя до этих пор думала, что и не знаю, как их зовут. Они же обступали Главка и хором требовали поведать историю чудесного превращения. Он рассказывал все по порядку: как был в дурном настроении, как сон тяжелым камнем навалился на него, а потом сила, ниспосланная самими мойрами, богинями судьбы, подняла его вверх подобно гребнистой волне. Главк обнажал перед нимфами синюю грудь, стянутую божественными мускулами, показывал руки, гладкие, словно обкатанные прибором ракушки.

– Смотрите, как я врос в самого себя!

Мне так нравилось в эти минуты его лицо, сиявшее радостью и силой. Вместе с его грудью раздувалась и моя. Тянуло рассказать, что этот дар он получил от меня, но я видела, как приятно Главку считать свою божественную сущность лишь собственной заслугой, и не хотела это у него отнимать. Я по-прежнему мечтала лечь с ним в том темном лесу, но начинала думать и о большем, говорить про себя непривычные слова: *женитьба, муж*.

– Идем, – сказала я. – Нужно познакомить тебя с отцом и дедом.

Я сама выбрала ему одежду – в цветах, наилучшим образом оттенявших его кожу. Предупредила, как полагается проявлять учтивость, и, пока он ее проявлял, стояла в стороне и наблюдала. Главк отлично справился, и его похвалили. Отвели к титану Нерею, прежнему богу моря, а тот представил его Посейдону, своему новому господину. Вместе они помогли Главку создать подводный дворец, украсили его золотом и сокровищами затонувших кораблей.

Я каждый день приходила туда. Морская соль жгла мне кожу, а Главк частенько был так занят, развлекая восхищенных гостей, что мне доставалась лишь мимолетная улыбка, но я не возражала. Теперь у нас появилось время, предостаточно времени. Приятно было сидеть за серебряными столами и наблюдать, как нимфы и боги из кожи вон лезут, чтобы привлечь его внимание. Прежде они насмеялись бы над ним, назвали рыбацкой голью. А теперь просили рассказать о его смертной жизни. В рассказах все преувеличивалось: мать у него горбатая, как старая ведьма, отец каждый день его бил. Слушатели ахали и хватались за сердце.

– Все в порядке, – говорил Главк. – Я послал волну, чтобы разбила отцову лодку вдребезги, – он и умер от удара. А мать я облагодетельствовал. У нее теперь новый муж и рабыня – помогает с уборкой. Мать возвела мне алтарь, он курится уже. Жители моей деревни надеются, что я пошлю им благоприятное течение.

– И ты пошлешь?

Нимфа, задавшая вопрос, сцепила пальцы под подбородком. Круглое личико этой нимфы, ближайшей подруги Перса и моей сестры, походило на глянцевую злобную маску, но, разговаривая с Главком, даже она становилась другой – открытой и мягкой, как спелая груша.

– Посмотрим, – ответил Главк, – какую жертву они принесут.

Порой, будучи особенно доволен, Главк бил хвостом, в который превращались его ноги. Вот и теперь я смотрела, как этот нежно-серый хвост, покрытый внахлест чешуйками, метет, поблескивая и чуть переливаясь, по мраморному полу.

– Твой отец в самом деле мертв? – спросила я Главка, когда все ушли.

– Разумеется. И поделом ему, богохульнику.

Он начищал новый трезубец – подарок самого Посейдона. Главк теперь целыми днями возлежал на ложе да пил из кубков размером с собственную голову. И хохотал, как мои дядья, – громогласно, во все горло. Не каким-то жалким повелителем крабов он стал, но одним из величайших морских богов, мог призывать китов мановением руки, спасти корабли, увозя от рифов и мелей, поднимать из воды тонущие плоты с моряками.

– Та круглолицая нимфа, – сказал Главк, – красивая. Как ее имя?

Мысли мои были далеко. Я представляла, как он попросит моей руки. Скорее всего, там, на пляже. На берегу, где мы впервые друг друга увидели.

– Ты про Сциллу?

– Точно, Сцилла. Она движется как вода, верно? Как серебристый струящийся ручей. – Он поднял глаза, задержал на мне взгляд. – Цирцея, никогда еще я не был так счастлив.

Я улыбнулась ему. Я видела в нем лишь юношу, которого любила и который наконец заблестал. Казалось, все расточаемые ему похвалы, все воздвигнутые ему алтари, все поклонники, вокруг него толпившиеся, – это дар мне, Главк ведь мой.

* * *

Эту Сциллу я теперь видела повсюду. Вот она засмеется над какой-нибудь шуткой Главка, вот коснется своей шеи да встряхнет волосами. Она и в самом деле была украшением нашего дворца – очень хороша собой. Речные боги и нимфы вздыхали по ней, а она любила одним взглядом вселить надежду, следующим же – уничтожить. Движения Сциллы сопровождалась постукиванием бесчисленных коралловых браслетов да жемчужных бус, которыми задаривали ее поклонники. Она садилась рядом и по очереди их мне показывала.

– Мило, – говорила я, почти не глядя.

Но на следующем пиру она снова была тут как тут, число драгоценностей удваивалось, утраивалось, их уже хватало бы, чтобы рыбацкую лодку затопить.

Как, должно быть, бесила ее моя непонятливость! Она уже поднесла жемчужины, крупные, размером с яблоко, прямо к моему лицу.

– Ну видала ли ты когда такие чудеса?

Я, по правде говоря, даже подумала было, не влюбилась ли она в меня.

– Очень красивые, – пробормотала я.

Ей ничего не оставалось, как сквозь зубы сказать напрямик:

– Главк пообещал собрать все, что есть в море, лишь бы порадовать меня.

Мы были в Океановом дворце, в воздухе стоял тошнотворный запах благовоний. Я вздрогнула:

– Это Главк подарил?

Ах, как она обрадовалась!

– Все до единой. Ты что же, не слышала? Думала, ты узнаешь первой, вы ведь очень близки. Но может, не такая уж ты ему и подруга?

Она помолчала, наблюдая за мной. Я понимала, что и другие обратили ко мне лица, ликующе затаив дыхание. Такие скандалы в наших дворцах любили больше золота.

Она улыбнулась:

– Главк предложил мне выйти за него. Пока не решила, соглашаться ли. Что посоветуешь, Цирцея? Стоит его выбрать? Кожа синяя, плавники и все такое...

Раздался смех наяд – словно плеск тысячи фонтанов. Я сбегала, чтобы она не увидела моих слез и не прибавила их к остальным своим трофеям.

* * *

Отец сидел с дядей, речным богом Ахелоем, и, будучи прерван, нахмурился:

– Что?

– Я хочу выйти за Главка. Позволишь?

Отец рассмеялся:

– За Главка? У него уже есть избранница. И по-моему, это не ты.

Меня оторопь взяла. Я даже причесываться и наряжаться не стала. С каждым мгновением словно вытекала по капле моя кровь. Я бросилась к Главку во дворец. Но он отправился в гости к кому-то из богов, и я ждала его, трепеща, среди опрокинутых кубков и залитых вином диванных подушек – свидетельств недавнего пира.

Наконец Главк пришел. Щелкнул пальцами, и беспорядка как не бывало, полы заблестели вновь.

– Цирцея, – сказал он, заметив меня.

И только. Как сказал бы: нога.

– Ты хочешь жениться на Сцилле?

Я видела, как лицо его просветлело.

– Встречала ты столь совершенное создание? Лодыжки крохотные, изящные, словно копытца прелестнейшей лесной лани. Речные боги взбесились, когда она предпочла меня, даже Аполлон ревнует, я слышал.

Тут-то я и пожалела, что не проделывала все эти штучки глазами, губами, волосами, подобно прочим нимфам.

– Главк, она красива, правда, но тебя недостойна. Она жестока и не любит тебя, как можно тебя любить.

– Что ты хочешь сказать?

Он смотрел на меня хмуро, будто с трудом припоминал мое лицо. Я попыталась представить, как действовала бы сестра. Подошла, провела пальцами по его руке.

– Хочу сказать, что знаю, кто будет любить тебя сильнее.

– Кто?

Но видно было: Главк начинает понимать. Он выставил перед собой руки, словно защищаясь от меня. Он, могучий бог.

– Ты была мне сестрой.

– Я стану больше чем сестрой. Я стану всем.

И я прижалась губами к его губам.

Главк оттолкнул меня. Ярость исказила его лицо – и в то же время будто бы испуг. Он стал похожим на себя прежнего.

– Я полюбила тебя в тот первый день, увидев в лодке. Сцилла смеется над твоими плавниками и зеленой бородой, а я обожала тебя и когда руки твои были в рыбьих кишках и ты плакал из-за отцовых побоев. Я помогла тебе, когда...

– Нет! – Он рубанул ладонью воздух. – Не стану вспоминать те дни. То новый синяк, то где-нибудь заболит, всегда усталый, озабоченный, бессильный. А теперь я участвую в советах твоего отца. Теперь мне не нужно выпрашивать крохи. От нимф отбоя нет, и я могу выбрать лучшую из них, а это Сцилла.

Слова его били как камни, но так запросто отказываться от Главка я не собиралась.

– Я стану для тебя лучшей. Я смогу угодить тебе, клянусь. Преданнее меня не найдешь. Я что хочешь сделаю.

Видно, он все же любил меня немножко. Потому что, не успев высказать тысячу унизительных слов, предъявить доказательства своей тайной страсти и пообещать рабскую преданность, я почувствовала себя во власти его силы. Щелкнув пальцами, он отправил меня, точно как диванные подушки, на место – в мои комнаты.

Я рыдала, лежа на земле. Цветы явили его настоящего – синего, с плавниками, чужого. Я думала, умру от такой боли – не той, глубинной и немой, что оставил после себя Ээт, но острой, безжалостной, как вонзающийся в грудь клинок. Но умереть я не могла, конечно. И продолжала существовать, проживая одно за другим обжигающие мгновения. Из-за такого горя некоторые из нас и решают обратиться в дерево или камень – лишь бы не быть плотью.

Прекрасная Сцилла, грациозная лань Сцилла, Сцилла с сердцем гадюки. Зачем она это сделала? Не из любви, я видела в ее глазах насмешку, когда она говорила про его плавники. Может, потому что любила моих сестру и брата, а те презирали меня. А может, ей, дочери безымянного ручья и акульелицей морской нимфы, приятно было что-то отнять у дочери солнца.

Какая разница? Я ненавидела ее, и все тут. Потому что была такой же глупой ослицей, как и все любившие того, кто любит другого. Я думала: если только она исчезнет, все изменится.

Я вышла из отцовского дворца. Солнце уже село, а моя бледная тетка-луна еще не взошла. Меня никто не видел. Я набрала тех самых цветов, являющих истинную суть, и принесла их в бухту, где, говорили, Сцилла каждый день купалась. Я разломила стебли, по капле выжала белый сок в воду. Больше эта гадюка не спрячет свою злобу. Все увидят, как она безобразна. Брови ее станут куститься, волосы потускнеют, а нос удлинится и обернется рылом. Залы наполнятся эхом ее возмущенного визга, а великие боги прикажут бить меня плетью, но я с радостью подчинюсь, ибо каждый нанесенный мне удар будет для Главка новым доказательством моей любви.

Глава шестая

Но никакие эринии той ночью за мной не явились. Никто не явился ни наутро, ни днем. В сумерках уже я вышла и застала мать подле зеркала.

– Где отец?

– Отправился прямо к Океану. Там пир. – Она сморщила нос, прикусила розовый язычок. – У тебя ноги грязные. Можешь помыть их хотя бы?

Я не стала мыть ноги. Не хотела терять ни минуты. Что, если Сцилла тоже ужинает там, возлежа у Главка на коленях? Что, если они уже поженились? Что, если сок не подействовал?

Теперь кажется странным, что меня это так волновало тогда.

Залы были полнее обычного и все пропахли тем самым розовым маслом, аромат которого каждая нимфа считала лишь ей присущей прелестью. Отца я не нашла, зато увидела тетку Селену. Она возвышалась среди скопища обращенных к ней лиц, как мать среди птенцов, требующих пищи.

– Поймите, я просто зашла посмотреть, отчего вода так бурлит. Думала, может, там какое-то... собрание. Вы ведь знаете Сциллу.

Вздых замер в моей груди. Братья с сестрицами хихикали, искоса друг на друга поглядывая. Не выдавай себя, что бы ни было, подумала я.

– Но она так странно барахталась, словно тонущая кошка. А потом... Не могу этого передать.

Она прикрыла рот серебристой ладонью. Очаровательный жест. Все в моей тетке было очаровательно. Ее заколдованный муж, прекрасный пастух, спал вечным сном, не старея, и вечно о ней грезил.

– Конечность, – сказала Селена. – Мерзкая конечность. Как у кальмара, ослизлая, без костей. Вырвалась прямо из живота и свесилась, а рядом другая, потом еще и еще, пока их не стало двенадцать.

Кончики моих пальцев, испачканные соком накануне, пощипывало.

– Но это было только начало, – продолжала Селена. – Она взвилась, плечи ее выгнулись. Кожа стала серой, шея начала вытягиваться. И наконец исторгла пять новых голов с разинутыми зубастыми пастьями.

Сестрицы с братьями ахнули, но я их слышала едва-едва, как отдаленный шум моря. Невозможно было представить описанный Селеной кошмар. И поверить: *это сделала я.*

– А Сцилла тем временем выла и лаяла, как свора бешеных собак. Я вздохнула с облегчением, когда она наконец нырнула в глубину.

Выжимая сок цветов в воду там, в бухте Сциллы, я не задумывалась, как воспримут ее превращение мои двоюродные братья и сестры, те, кому она была сестрицей, племянницей, любовницей. А если б задумалась, сказала бы, что они любили Сциллу и громче всех станут требовать моей крови, когда за мной явятся эринии. Но теперь, оглядываясь вокруг, я видела лишь сияющие, как наточенные клинки, лица. Склонившись друг к другу, они злорадствовали. *Хотела бы я это увидеть! Нет, ты только представь!*

– Еще раз расскажи! – прокричал кто-то из дядьев, и братья с сестрицами шумно его поддержали.

Тетка улыбнулась. Изогнула губы полумесяцем, как и сама изгибалась в небе. И рассказала все сначала: конечности, шеи, зубы.

Голоса моих сестриц и братьев взвились до потолка.

Она ведь с половиной дворца ложилась.

Хорошо, что я ее к себе не подпускал.

Голос одного речного бога возвысился над всеми. *Конечно, она лаяла. Всегда была сухой!*

Визгливый хохот впился мне в уши. Речной бог, клявшийся, что отобьет Сциллу у Главка, смеялся до слез. Сестра Сциллы завывала, притворяясь собакой. Даже бабка с дедом пришли послушать, стояли с краю и улыбались. Океан сказал что-то Тефиде на ухо. Я деда не слышала, но, поскольку знала его уже полвечности, могла прочесть по губам. *Скатертью дорога.*

Кто-то из дядьев рядом со мной опять кричал:

– Еще расскажи!

Но на этот раз тетка лишь закатила жемчужные глаза. От него несло кальмарами, да и вообще время пира давно настало. Боги потянулись к ломам. Наполнялись кубки, переходила из рук в руки амброзия. Губы богов краснели от вина, лица сияли как драгоценности. Тут и там потрескивал смех.

Это взбудораженное веселье было мне знакомо. Я уже наблюдала его, в темноте другого зала.

Двери открылись, вошел Главк с трезубцем в руке. Волосы его были зелены как никогда и развевались подобно львиной гриве. Глаза сестриц и братьев радостно сверкнули, раздался возбужденный шепот. Вот где и впрямь будет потеха! Они расскажут ему о превращении любимой, расколуют его лицо, как яичную скорлупу, и посмеются над тем, что выйдет наружу.

Но прежде чем они успели заговорить, вмешался мой отец – широким шагом подошел к Главку и увел его.

Недовольные братья и сестры вновь оперлись на локти. Вредина Гелиос, испортил веселье. Ну ничего, Персеида потом все у него выпросит, или Селена. Они подняли кубки и продолжили развлекаться.

Я же последовала за Главком. Не знаю, как у меня смелости хватило, впрочем, разум мой замутился, словно бурлящее море. Я встала за дверью комнаты, куда отец отвел Главка. И услышала его тихий голос:

– Разве нельзя ее сделать прежней?

Всякий, рожденный богом, знает ответ с пеленок.

– Нет, – сказал отец. – Ни один бог не властен отменить сделанное богинями судьбы или другим богом. Но в наших дворцах сотни красавиц, одна другой спелее. Лучше на них посмотри.

Я ждала. Вдруг Главк все-таки вспомнит обо мне? Я бы вышла за него не раздумывая. Но оказывается, я надеялась и на другое, хотя еще вчера и подумать о таком не могла: что он всю соль из себя выплачет, лишь бы вернуть Сциллу, что будет держаться за нее, свою единственную настоящую любовь.

– Я понял, – сказал Главк. – Жаль, но ты верно говоришь: есть и другие.

Раздался тихий металлический звон. Главк постукивал пальцами по вилке своего трезубца.

– Младшая у Нерея хороша, – продолжил он. – Как ее зовут? Фетида?

Отец цокнул языком:

– На мой вкус, больно солона.

– Что ж, – сказал Главк, – благодарю тебя за превосходный совет. Последую ему.

* * *

Они прошли мимо, совсем близко. Отец занял свое золотое ложе рядом с дедом. Главк пробрался к пурпурным лежанкам. В ответ на какие-то слова речного бога поднял голову и рассмеялся. Тогда я видела его лицо в последний раз и запомнила жемчужный блеск зубов в свете факелов, синеву кожи.

В дальнейшем он и впрямь следовал совету отца. Спал с тысячью нимф, плодил детей с хвостами и зелеными волосами, которых очень любили рыбаки, ведь те частенько наполняли

их сети. Я видела иногда, как они резвились, подобно дельфинам, меж гребней самых высоких волн. И никогда не приближались к побережью.

* * *

Воды черной реки катились вдоль берегов. Бледные цветы качали головками. Но я ничего вокруг не замечала. Мои надежды отпадали одна за другой. Я не проживу с Главком целую вечность. Мы не поженимся. Никогда не ляжем вместе там, в лесу. Его любовь ко мне исчезла, утонула.

Мимо проплывали боги, нимфы, в свете факелов и аромате благовоний текла их болтовня. Лица их, сияющие и оживленные, как всегда, вдруг стали казаться мне чужими. Громко, словно птичьи клювы, шелкали камень их бус, широко растягивались, испуская смех, красные рты. Где-то там и Главк смеялся вместе с ними, но различить его голос в общем хоре я не могла.

Не всем богам быть одинаковыми.

У меня загорелось лицо. Я ощутила не то чтобы боль, скорее жжение, которое никак не проходило. Прижала ладони к щекам. Сколько я уже не вспоминала о Прометее? Перед глазами встал его образ: истерзанная спина, невозмутимое лицо, взгляд темных глаз, выразивший сразу всё.

Удары сыпались на него, но Прометей не кричал, хотя обливался кровью и сделался в конце концов похожим на золоченую статую. И все это время боги следили за ним глазами острыми, как молнии. Они бы сами с удовольствием взяли в руки хлыст эринии, представься им возможность.

Я не такая, как они.

Значит, не такая? Я услышала голос дяди, глубокий, звучный. *Тогда думай, Цирцея. Чего бы они не сделали?*

* * *

Кресло отца было устлано шкурами угольно-черных барашков. Я встала на колени подле их свисающих голов.

– Отец, это я превратила Сциллу в чудовище.

Голоса вокруг разом смолкли. Не знаю, смотрели ли с дальних лежанок, смотрел ли Главк, но все дядья устали на меня, прервав сонную беседу. Я ощутила пронзительную радость. Потому что впервые в жизни хотела их внимания.

– Я взяла дурную траву, *фармакон*, и сделала Главка богом, а потом превратила Сциллу. Хотела изуродовать ее, потому что ревновала к ней Главка. Я сделала это из себялюбия, со злобой в сердце, и готова отвечать.

– *Фармакон*, – повторил отец.

– Да. Желтые цветы, что растут там, где пролилась кровь Кроноса, и являют истинную суть всякого существа. Я сорвала, наверное, сотню и бросила в купальню Сциллы.

Я думала, плеть принесут, призовут эринию. Прикуют меня к скале рядом с дядей. Но отец лишь наполнил свой кубок.

– Пустяки. В тех цветах нет никакой силы, больше нет. Мы с Зевсом об этом позаботились.

Я смотрела на него в изумлении.

– Отец, я это сделала. Собственными руками сломала стебли, намазала соком губы Главка, и он перевоплотился.

– Ты испытала предчувствие, это свойственно моим детям. – Голос отца оставался ровным и твердым, как каменная стена. – В ту минуту Главку суждено было перевоплотиться. Трава здесь ни при чем.

– Нет, – попыталась возразить я, но отец продолжал говорить. Возвысил голос, чтобы заглушить мой.

– Подумай, дочь. Если б так легко было смертного сделать богом, разве не стали бы все богини кормить возлюбленных этими цветами? И разве половина нимф не превратилась бы в чудовищ? Ты не первая ревнивица в этом дворце.

Дядья заулыбались.

– Я единственная знаю, где искать эти цветы.

– Разумеется, не единственная, – вставил дядя Протей. – Я рассказал тебе об этом. Думаешь, стал бы, если бы знал, что ты можешь причинить кому-нибудь вред?

– Будь в этих растениях такая сила, – добавил Нерей, – и мои рыбы в бухте Сциллы перевоплотились бы. Но они целы и невредимы.

Лицо мое пылало.

– Нет. – Я стяхнула водорослеобразную руку Нерая. – Я превратила Сциллу и теперь должна понести наказание.

– Дочь моя, ты становишься смешной. – Слова отца рассекли воздух. – Существой в мире сила, о которой ты заявляешь, думаешь, обнаружить ее выпало бы тебе подобной?

Тихий смех за моей спиной, нескрываемая радость на лицах дядьев. Но главное – голос отца, швырявшего слова словно мусор. *Тебе подобной*. В любой другой день всякого года жизни я сжалась бы в комок и заплакала. Но в тот день его презрение стало искрой, упавшей на сухой трут. Я открыла рот:

– Ты неправ.

Отец уже склонился к деду, хотел ему что-то сказать. Но теперь вновь метнул в меня взгляд. Лицо его заалело.

– Что ты сказала?

– Я говорю, в этих растениях есть сила.

Он накалился добела. Как сердцевина огня, как чистейшие, раскаленные угли. Он встал, но продолжал подниматься, будто хотел пробить дыру в потолке, в земной коре и расти дальше, под самые звезды. А потом пришел жар, он накатывал ревущими волнами, вздувал пузырями кожу, выдавливал дыхание из груди. Я хватала ртом воздух, но воздуха не было. Отец его отнял.

– Ты смеешь перечить мне? Ты, неспособная и огонька зажечь, и капли воды вызвать? Худшая из моих детей, блеклая, ни к чему не годная, на которой и за плату жениться не хотят. Я с самого рождения жалел тебя и многое тебе позволял, а ты выросла самодовольной и строптивой. Хочешь, чтобы я еще больше тебя ненавидел?

Минута – и даже камень бы, наверное, расплавился, а все мои водянистые сестрицы иссохли до костей. Плоть моя пузырилась и лопалась, как жарящийся плод, голос скукожился в горле и выгорел дотла. Я и вообразить не могла, что существует такая боль, такая жгучая мука, истребляющая всякую мысль.

Упав к ногам отца, я прохрипела:

– Прости, отец. Зря я в это поверила.

Жар понемногу сошел на нет. Я осталась лежать, где упала, на мозаичном полу с изображениями рыб и пурпурных фруктов. Глаза мои наполовину ослепли. Руки превратились в оплавленные клешни. Речные боги покачивали головами, издавая звук плещущей о камни воды. *До чего странные дети у тебя, Гелиос*.

Отец вздохнул:

– Это Персеида виновата. От других хорошие были дети.

* * *

Я не шевелилась. Прошло несколько часов, но никто не смотрел на меня, не называл по имени. Говорили о своих делах, о тонких вкусах блюд и вин. Факелы гасли, пустели лежа. Отец поднялся, переступил через меня. Всколыхнул легкий ветерок, ножом врезавшийся в мое тело. Я думала, бабка подойдет, скажет ласковое слово, принесет мазь от ожогов, но она ушла спать.

Может, за мной пришлют стражей? Хотя зачем? Я не представляла никакой опасности.

Боль обдавала меня то холодом, то жаром, а потом снова холодом. Меня трясло, так проходили часы. Руки-ноги почернели, на них живого места не было, обожженная спина пошла пузырями. Я боялась дотронуться до лица. Скоро рассвет, и все мои родные опять устремятся сюда – завтракать, болтать о дневных развлечениях. И станут кривить губы, проходя мимо меня.

Медленно, мало-помалу, я поднялась на ноги. Мысль о возвращении в отцовский дворец была как раскаленный добела уголь поперек горла. Я не могла идти домой. А кроме дома знала лишь одно место на земле: те самые леса, о которых так часто мечтала. Глубокие тени спрячут меня, мох мягко коснется сожженной кожи. Ухватившись мысленным взором за эту картинку, я поплелась к ней. Соленый воздух морского берега иглами вонзался в опаленное горло, и каждое дуновение ветра вновь заставляло ожоги вопить от боли. Но наконец меня накрыла тень, я свернулась калачиком на мху. Дождь моросил, и ощущать сырую землю было так приятно. Столько раз я представляла, как буду лежать здесь с Главком, но если и не выплакала прежде всех слез по своей несбывшейся мечте, теперь они иссохли. Я закрыла глаза и отдалась ошеломляющей, пронзительной боли. Однако моя неумолимая божественная природа постепенно делала свое дело. Дыхание выровнялось, взгляд прояснился. Руки и ноги еще болели, но, прикасаясь к ним, я уже трогала кожу, а не уголья.

Село полыхавшее за деревьями солнце. Спустилась звездная ночь. Настало новолуние, когда тетушка Селена уходила к своему грезившему мужу. Иначе я, наверное, не осмелилась бы подняться – невыносимо было думать, как она станет потом рассказывать: *эта дуручка и впрямь пошла на них посмотреть! Видно, все еще верит, что они действуют!*

Ночной ветерок пощипывал кожу. Трава высохла, полегла от зноя в разгар лета. Я нашла тот холм, кое-как вскарабкалась по склону. В свете звезд цветы казались маленькими, полинялыми, чахлыми. Я сорвала стебелек. Он обмяк в моей руке – в нем не было сока, весь высох. А чего, интересно, я ожидала? Что он подпрыгнет и закричит: “Твой отец неправ! Ты превратила Сциллу и Главка! Ты вовсе не жалкая и невзрачная, ты новоявленный Зевс”?

И все же, встав на колени, я правда что-то услышала. Не звук, скорее тишину, едва различимое гудение – так вибрирует в песне пространство меж нот. Я ждала, что гудение стихнет, рассудок мой прояснится. Но оно продолжалось.

И там, под тем небом, мне в голову пришла безумная мысль. *Съем этой травы. Пусть наконец моя истинная суть, какая угодно, выйдет наружу.*

Я поднесла стебли ко рту. Но мужество покинуло меня. Какова моя истинная суть? Этого знания ведь можно и не вынести.

* * *

Перед самым рассветом меня отыскал дядя Ахелой – борода в мыле, до того спешил.

– Твой брат здесь. Тебя вызывают.

Я отправилась за ним во дворец отца, все еще неверным шагом. Мы прошли мимо сияющих столов, мимо занавешенной спальни, где почивала мать. Ээт стоял над отцовскими шашками. Он возмужал, черты лица стали резкими, рыжеватая борода – густой, как папоротник.

Одежды его были роскошными даже для бога – пурпурными, темно-синими, и каждый лоскуток ткани обильно расшит золотом. Но когда Ээт обернулся, прежняя наша любовь вновь меня поразила. Кинуться ему в объятия мне помешало лишь присутствие отца.

– Я скучала по тебе, брат.

Ээт нахмурился:

– Что у тебя с лицом?

Я дотронулась до щеки, с которой сходила кожа, и ощутила вспышку боли. Я покраснела. Не хотелось ему рассказывать, не здесь. Отец сидел на своем пламенеющем троне, и свет его, даже привычный, неяркий, вновь причинял мне боль.

Отец избавил меня от необходимости отвечать.

– Ну вот, она пришла. Говори.

Услышав в его голосе досаду, я затрепетала, но лицо Ээта оставалось спокойным, будто гнев отца – такая же обычная вещь, как и все в этой комнате, как стол, как табурет.

– Я пришел, – сказал он, – поскольку узнал, что и Сцилла, и Главк тоже перевоплощены рукой Цирцеи.

– Руками мойр. Говорю тебе, у Цирцеи нет таких способностей.

– Ты ошибаешься.

Я вытаращила глаза: вот сейчас падет на Ээта отцовский гнев.

Но брат продолжал:

– В своем царстве, в Колхиде, я делал такое и даже больше, много больше. Извлекал молоко из земли, околдовывал человеческий разум, лепил воинов из праха. Призывал драконов, чтобы везли мою колесницу. Произносил заклинания, застилавшие небо чернотой, варил зелья, воскрешавшие мертвых.

В устах любого другого подобные утверждения показались бы несусветной ложью. Но слова брата звучали крайне убедительно, как и всегда.

– Это искусство зовется *фармакея*, потому что для него нужны *фармака*, то есть травы, способные изменять мир, – и те, что выросли на крови богов, и обычные, растущие повсюду на земле. Умение заставить их силу проявиться – это дар, и я владею им не один. Пасифая на Крите правит с помощью своих ядов, Перс в Вавилоне колдовством возвращает души в тела. Цирцея – последняя, и она доказала это.

Взгляд отца был устремлен вдаль. словно он смотрел сквозь море и землю и видел отсюда Колхиду. Мне показалось, что исходящий от его лица свет трепещет, но может, это играло пламя очага.

– Позволь тебе показать.

Брат вынул из складок одежды горшочек, запечатанный сургучом. Сломал печать и обмакнул палец в зеленую жидкость. Я почувствовала запах каких-то растений – резкий, с солоноватой ноткой.

Брат приложил большой палец к моему лицу и что-то тихо сказал – я не расслышала. Кожа зазудела, а потом боль утасла – словно задули свечу. Притронувшись к щеке, я ощутила, что она совсем гладкая и как будто слегка маслянистая.

– Неплохой фокус, правда? – сказал Ээт.

Отец не ответил. Удивительно, но он как онемел. Я и сама онемела, пораженная. Даром исцелять чужую плоть обладали лишь величайшие из богов, а подобные нам – нет.

Брат улыбнулся, будто мои мысли подслушал.

– И это меньшие из моих способностей. Они исходят от самой земли и потому не подчиняются обычным законам божественной природы. – Он дал этим словам повисеть в воздухе. – Понимаю, ты не можешь вынести вердикт сейчас. Тебе нужно посоветоваться. Но знай: я с радостью предъявлю Зевсу нечто... более впечатляющее.

Глаза его сверкнули, как клыки в волчьей пасти.

Отец медленно выговаривал слова. На лице – все та же немая маска. Дикая мысль поразила меня. *Он напуган.*

– Я должен посоветоваться, верно. Это... что-то новое. Пока решение не будет принято, вы останетесь здесь, во дворце. Оба.

– Другого я и не ожидал, – сказал Ээт.

Он склонил голову, а затем повернул к выходу. Я последовала за ним – от гонки мыслей и разрастающейся, захватывающей дух надежды даже кожу покалывало. Дверь закрылась за нами, мы оказались в коридоре. Лицо Ээта оставалось невозмутимым, будто он не совершил только что чудо, заставив нашего отца замолчать. Я готова была вывалить на него тысячу вопросов, но Ээт заговорил первым:

– Чем ты занималась все это время? Целая вечность прошла. Я уж начал думать, что ты, может, и не *фармакевтрия*.

Я не знала такого слова. Тогда его никто еще не знал.

– *Фармакевтрия*, – повторила я.

Колдунья.

* * *

Новости разбегались как весенние ручьи. За обедом дети Океана, завидев меня, шептались, а попадаясь навстречу, отскакивали. Кого я случайно касалась рукой, тот бледнел, а когда я передала кубок речному богу, глаза его забегали. *Нет-нет, благодарю, я не хочу пить.*

Ээт рассмеялся:

– Ты привыкнешь. Мы теперь сами по себе.

Но он вовсе не был сам по себе. Каждый вечер сидел на дедовом помосте вместе с отцом и дядьями. Пил нектар, смеялся, обнажая зубы, а я наблюдала за ним. Лицо его менялось стремительно, как рыбий косяк, – то светлело, то темнело.

Дождавшись, пока уйдет отец, я села в кресло рядом с Ээтом. Очень хотелось устроиться рядом на ложе, прислониться к его плечу, но он был так суров и прям, что я не знала, как до него и дотронуться.

– Ты любишь свое царство? Колхиду?

– Оно прекраснее всех, – ответил Ээт. – Я сделал, как обещал, сестра. Собрал там все чудеса, что есть в наших землях.

Я улыбнулась, услышав, как он зовет меня сестрой и говорит о тех, прежних мечтах.

– Хотелось бы мне все это увидеть.

Ээт промолчал. Он был чародеем, мог разомкнуть змеиные зубы, вырвать с корнем дуб. Зачем ему я?

– И Дедал у тебя?

Ээт скривился:

– Нет, он в ловушке у Пасифаи. Может, потом... Зато у меня есть огромная баранья шкура из золота и полдюжины драконов.

Рассказы из Ээта вытягивать не пришлось. Они рвались наружу сами – про чары и заклинания, которые он накладывал, про зверей, которых призывал, про травы, которые срезал при лунном свете, чтобы варить из них чудеса. Одна история была диковиннее другой: молния прилягивалась к кончикам его пальцев, зажаренные барашки возрождались из обугленных костей.

– Что за слово ты произнес, когда исцелял меня?

– Могущественное слово.

– А меня научишь?

– Колдовству нельзя научить. Ты до всего дойдешь сама. Или не дойдешь.

Я вспомнила, как, прикоснувшись к тем цветам, услышала гудение, как некое мистическое знание посетило меня.

– И давно ты знаешь, что способен на такое?

– С рождения. Но нужно было подождать, скрыться сначала от отцовых глаз.

Столько лет мы были вместе, и он молчал. Я уже открыла рот, чтоб потребовать ответа: как ты мог не сказать мне? Но этот новый Ээт в ярких одеждах лишил меня решимости.

– Ты не боишься, – спросила я, – что отец разгневется?

– Нет. Мне хватило ума не позорить его перед всеми. – Ээт взглянул на меня, приподняв бровь, и я покраснела. – Однако отец очень хочет понять, как ему использовать такую силу себе во благо. Он из-за Зевса беспокоится. Нужно правильно нас изобразить: дать понять, что мы достаточно опасны, чтобы Зевс призадумался, но не настолько, чтобы он вынужден был действовать.

Брат мой, чей взор всегда проникал в трещины мироздания.

– А если олимпийцы попробуют лишить тебя твоих чар?

Он улыбнулся:

– Мне кажется, они не смогут, как бы ни старались. Я же сказал: *фармакея* находится за гранью обыкновенно достижимого для богов.

Я взглянула на свои руки и попыталась представить, как они плетут заклятие, способное поколебать мир. Но уверенность, с которой я выдавливала сок Главку в рот и отравляла воду в бухте Сциллы, куда-то подевалась. Может, если бы я вновь прикоснулась к тем цветам... Но мне запретили выходить из дворца, пока отец не поговорит с Зевсом.

– Думаешь... я могу творить такие же чудеса, как ты?

– Нет, – ответил брат. – Я сильнейший из нас четверых. Но у тебя определенно есть склонность к превращениям.

– Это все цветы, – возразила я. – Благодаря им всякое существо обретает истинный облик.

Он обратил ко мне свой взгляд мудреца.

– Как кстати, что их истинный облик случайно совпадает с угодным тебе, правда?

Я уставилась на него:

– Я вовсе не желала превратить Сциллу в чудовище. Лишь хотела показать, как уродлива она внутри.

– И ты веришь, что внутри у нее скрывалось *такое*? Шестиголовое слюнявое чудовище?

Лицо мое горело.

– А почему нет? Ты ее не знал. Она была так жестока!

Ээт рассмеялся:

– Ах, Цирцея! Она была размалеванной потаскухой не первого разряда, такой же, как и все остальные. И если станешь утверждать, что одно из страшнейших чудовищ нашего времени пряталось у нее внутри, значит, ты глупее, чем я думал.

– По-моему, никто не может сказать, что у другого внутри.

Ээт закатил глаза и вновь наполнил свой кубок.

– А по-моему, – сказал он, – Сцилла избежала наказания, которое ты для нее замыслила.

– Что ты хочешь сказать?

– Подумай. Что делала бы уродливая нимфа в нашем дворце? Чего бы стоила ее жизнь?

Все было как раньше: он спрашивал, я не находила ответа.

– Не знаю.

– Знаешь-знаешь. Вот почему это стало бы хорошим наказанием. Даже красивейшая нимфа никому особенно не нужна, а уродливая – и вообще пустое место, даже хуже. Она никогда не выйдет замуж, не родит детей. Будет обузой для семьи, бельмом на глазу мира. Ей, презираемой и оскорбляемой, придется прятаться. Но, став чудовищем, она обретает положение.

И славы получит, сколько зубами сумеет отхватить. Любить ее за это не будут, зато не будут и ущемлять. Поэтому если ты по глупости о чем и сожалеешь втайне, забудь. Я бы сказал, ты сделала ее только лучше.

* * *

На две ночи отец заперся с дядьями. Я слонялась у дверей красного дерева, но не слышала ничего, даже приглушенных голосов. Когда отец с дядьями наконец вышли, лица их были мрачны и решительны. Отец направился к колеснице. Его багровый плащ рдел как вино, на голове сияла огромная корона из золотых лучей. Не оглядываясь, он взмыл в небо и развернул лошадей к Олимпу.

Мы ожидали его возвращения во дворце Океана. Никто не нежился на берегу реки, не свивался с любовником в полумраке. Наяды, пунцовая, переругивались. Речные боги пихали один другого. Дед тяжело оглядывал всех нас со своего помоста, держа в руке пустой кубок. Мать хвасталась перед сестрами:

– Перс и Пасифая, конечно, первыми все поняли. Цирцея – последней, и чему тут удивляться? Пожалуй, рожу еще сотню, они мне сделают серебряный корабль, который будет летать меж облаков. И мы воцаримся на Олимпе.

– Персеида! – шикнула на нее бабка из другого конца зала.

Только Ээт, кажется, не чувствовал общего напряжения. Сидел, безмятежный, на ложе, пил из золотого чеканного кубка. Я держалась в стороне, ходила взад-вперед по длинным коридорам, проводя рукой по каменным стенам, всегда чуть сыроватым: слишком много водных божеств здесь обитало. Искала глазами Главка. Я все еще не избавилась от желания видеть его, даже теперь. В ответ на мой вопрос, пирует ли Главк с остальными богами, Ээт ухмыльнулся:

– Своего синего лица он теперь здесь не показывает. Ждет, пока все забудут, как оно стало таким на самом деле.

У меня все перевернулось внутри. Я и не подумала, что своим признанием лишу Главка того, чем он так гордился. Слишком поздно. Слишком поздно я поняла все, что следовало. Я совершила так много ошибок, и теперь уж невозможно этот клубок распутать и вернуться к самой первой. Было это превращение Сциллы, Главка или клятва, данная бабке? Или прежде всего – первый разговор с Главком? Тошнотворное чувство тревоги подсказывало, что все это тянется с еще более раннего времени, с первого моего вздоха.

Отец, наверное, уже предстал перед Зевсом. Брат был уверен, что олимпийцы ничего не смогут с нами сделать. Но четверых титанов-колдунов нельзя ведь просто не замечать. А если снова начнется война? Потолок большого зала разверзнется над нами. Зевсова голова затмит свет, рука протянется вниз и раздавит нас одного за другим. Ээт призовет драконов, он хоть сражаться может. А я что могу? Цветы собирать?

Мать мыла ноги. Две ее сестры держали серебряный таз, третья лила из склянки нежное масло мирры. Глупости, говорила я себе. Не будет никакой войны. Мой отец – мастер изворачиваться. Он найдет способ успокоить Зевса.

Зал осветился – прибыл отец. Его бронзовое лицо будто сошло с наковальни. Он зашагал к помосту в передней части зала, а мы провожали его глазами. Лучи отцовской короны пронзали каждую тень. Взгляд его всех нас смутил.

– Я поговорил с Зевсом, – сказал он. – И мы пришли к соглашению.

Братья и сестры облегченно вздохнули – будто ветер в колосьях зашуршал.

– Он признает, что в мире действует нечто новое. И эти силы не похожи ни на какие из являвших себя прежде. Он признает, что они произошли от четырех моих детей – моих и нимфы Персеиды.

Снова легкая рябь, теперь уже с признаками нарастающего воодушевления. Мать облизнула губы, откинула голову, будто на ней уже была корона. Сестры ее поглядывали друг на друга, снедаемые завистью.

– Мы также согласились, что прямой опасности эти силы не представляют. Перс живет за нашими границами и нам не угрожает. Пасифая замужем за сыном Зевса, он проследит, чтобы она знала свое место. Ээт сохранит трон, если согласится, чтобы за ним следили.

Брат кивал с серьезным видом, но я видела, что глаза его улыбаются. *Я и небо могу застлать. Попробуйте-ка следить за мной.*

– Все они поклялись к тому же, что эти способности проявились самопроизвольно и неожиданно и не было здесь ни злого умысла, ни попытки бунта. Волшебную силу трав все они открыли случайно.

Удивившись, я снова бросила взгляд на брата, но лицо его оставалось непроницаемым.

– Все, кроме Цирцеи. Она призналась во всеуслышание, что стремилась обрести свою силу, и вы тому свидетели. Ее предостерегали, но она ослушалась.

Лицо моей бабки, застывшей в резном кресле из слоновой кости.

– Она не повиновалась моим приказам, отрицала мою власть. Она отравила себе подобную и совершила другие вероломные поступки. – Его раскаленный добела взгляд остановился на мне. – Она осрамила наш род. Неблагодарностью ответила на нашу заботу. Мы с Зевсом решили, что за это она должна быть наказана. Она будет жить в изгнании, на необитаемом острове, где никому не сможет причинить вреда. И отправится туда завтра.

Меня пронзила тысяча глаз. Хотелось закричать, взмолиться, но не хватало дыхания. Мой голос, пусть и тоненький, пропал. Я думала, Ээт встанет на мою защиту. Бросила на него взгляд, но он лишь молча смотрел на меня, как и прочие.

– Еще одно, – продолжил отец. – Как я уже сказал, очевидно, что эту новую силу породил наш с Персеидой союз.

Лицо матери победоносно блистало, пробиваясь сквозь застывший мне глаза туман.

– Поэтому решено: я не стану больше зачинать с ней детей.

Мать вскрикнула и упала навзничь сестрам на колени. Ее всхлипывания эхом отдавались от каменных стен.

Дед медленно поднялся на ноги. Потер подбородок. И сказал:

– Что ж, пришло время пира.

* * *

Факелы горели подобно звездам, потолок простирался над головой, высокий, будто небесный свод. В последний раз я наблюдала, как все нимфы и боги заняли свои места. Я оцепенела. Все думала: надо попроситься. Но братья и сестры омывали меня словно волны скалу. Насмешливо шептались, проходя мимо. Я вдруг заскучала по Сцилле. Та бы хоть осмелилась все высказать в лицо.

Думала: с бабкой нужно попробовать объясниться. Но она тоже от меня отвернулась, а ее морской змей спрятал голову.

Мать по-прежнему рыдала, окруженная стайкой сестер. Когда я приблизилась, она подняла голову, чтобы все видели, как прекрасно и безмерно ее страдание. *Мало того, что ты уже сделала?*

Оставались только мои водорослевоусые дядья с вислобрытыми, просоленными бородами. Но я представила, как становлюсь пред ними на колени, и не смогла себя заставить.

Я пошла в свою комнату. И сказала себе: собирайся. Собирайся, ты уезжаешь завтра. Но руки бессильно повисли. Откуда я знаю, что братья? Из дворца-то никогда почти не выходила.

Сделав над собой усилие, я отыскала мешок, сложила туда одежду и сандалии, гребень для волос. Посмотрела задумчиво на украшавший стену гобелен. Вытканый кем-то из моих теток, он изображал свадебное празднество. Будет ли у меня хоть дом, чтоб этот гобелен повесить? Я не знала. Ничего не знала. Необитаемый остров, сказал отец. Какой же – голая скала посреди моря, галечная отмель, непролазные дебри? Что за нелепость этот мешочек, наполненный золочеными обломками... Кинжал, кинжал со львиной головой на рукояти, возьму его. Но он будто съезжился в моей руке – для пира только и годился, закуски насаживать.

– Могло быть гораздо хуже, знаешь ли... – Ээт стоял в дверях. Он тоже отбивал, уже вызвал драконов. – Зевс, говорят, хотел сам наказать тебя, другим в назидание. Но дать ему такое право, конечно, может только отец.

У меня волосы на руках зашевелились.

– Ты ведь не сказал ему о Прометее, правда?

Ээт улыбнулся:

– Ты про “другие вероломные поступки”, как он выразился? Знаешь же отца. Осторожничает просто – вдруг ты сотворила еще что-нибудь ужасное и это выяснится? Да и о чем рассказывать? Что ты такого сделала? Налила нектара в кубок?

Я подняла на него глаза:

– Ты говорил, отец меня за это воронам бы выкинул.

– Только если бы у тебя хватило глупости сознаться.

Лицо мое загорелось.

– Видимо, мне стоит у тебя поучиться и все отрицать?

– Да. Так оно и делается, Цирцея. Я сказал отцу, что умение колдовать обнаружил случайно, он сделал вид, что мне поверил, а Зевс сделал вид, что поверил ему, – и равновесие в мире сохранено. Ты сама виновата, раз призналась. Зачем, никак не могу понять.

Он и правда не мог. Когда бичевали Прометея, Ээт еще не родился.

– Хотел сказать тебе, – продолжил он. – Вчера вечером я наконец встретил твоего Главка. Такого шута впервые вижу. – Ээт цокнул языком. – Надеюсь, впредь ты будешь разборчивее. Очень уж ты легко доверяешься.

Он стоял, опершись на притолоку, в своих длинных одеждах, посверкивая волчьими глазами. И сердце мое при виде его подпрыгивало, как и всегда. Но он был подобен тому водяному столбу, о котором однажды рассказывал, – прямой, холодный и самодостаточный.

– Благодарю за совет, – сказала я.

Ээт ушел, а я снова повернулась к гобелену. Пучеглазый жених, закутанная в покрывала невеста, позади – родственники с разинутыми по-идиотски ртами. Всегда этот гобелен терпеть не могла. Пусть гниет здесь.

Глава седьмая

Наутро я взошла на отцовскую колесницу, и мы взлетели, накренившись, в темное небо, не говоря ни слова. Мы рассекали воздух, и с каждым оборотом колес ночь отступала. Наклонившись над боковиной, я пыталась проследить наш путь по рекам, морям и сумрачным долинам, но ничего не узнавала – мы мчались слишком быстро.

– Что это за остров?

Отец не отвечал. Челюсти его были сжаты, губы побелели от гнева. Рядом с отцом мои зажившие ожоги ныли снова. Я закрыла глаза. Под нами проносились земли, ветер овеивал мое тело. Я представила, как, перемахнув через золотой поручень, лечу в пустоту. Приятно будет, пока не ударюсь.

Приземлились жестко. Открыв глаза, я увидела высокий рыхлый холм, заросший травой. Отец застыл, глядя прямо перед собой. Захотелось вдруг упасть на колени, умолять отвезти меня обратно, однако, пересилив себя, я спустилась на землю. И только ступила на нее, как отец и колесница исчезли.

Я стояла одна посреди поляны. Морской ветер царапал щеки, пахло свежестью. Но насладиться этим ароматом я не могла. Голова отяжелела, в горле саднило. Я пошатывалась. Ээт уже вернулся в Колхиду, пьет свой мед с молоком. Тетки на речных берегах веселятся, наверное, братья и сестры вернулись к забавам. Отец, разумеется, в небе, льет свой свет на землю. Все годы, прожитые с ними, выброшены как камешек в пруд. Рябь прошла по воде и исчезла.

Кое-какая гордость у меня все же была. Они по мне не плачут, так и я по ним не стану. Я прижала ладони к глазам, и наконец они прояснились. Заставила себя оглядеться.

На вершине холма передо мной стоял дом с широким крыльцом – стены из хорошо подогнанных камней, резные двери в два человеческих роста. Чуть ниже тянулась кайма леса, а за ним проблескивало море.

Лес заинтересовал меня. Старая чаща с буграми дубов, лип и оливковых рощ, пронзенная копьями кипарисов. Вот откуда шел запах зелени, поднимавшийся к вершине поросшего травой холма. Деревья тяжело покачивались от морских ветров, птицы юркали сквозь тени. До сих пор помню свое изумление. Всю жизнь я жила в одних и тех же сумрачных залах, гуляла по одному и тому же куцему берегу с потрепанными деревьями. Такого изобилия я не ожидала, и мне вдруг захотелось нырнуть в него, как лягушка ныряет в пруд.

Но я колебалась. Я ведь не лесная нимфа. Не умею пробираться ощупью меж корней да проходить без единой царапины сквозь ежевичные кусты. Что могут скрывать эти тени, я понятия не имела. А если там воронки в земле? А если медведи и львы?

Я долго стояла, обуреваемая этими страхами, и ждала, будто кто-то мог прийти и меня обнадежить, сказать: иди, там безопасно. Колесница отца переместилась за море и стала погружаться в волны. Лесные тени сгустились, стволы деревьев словно бы переплелись. Теперь уже поздно идти, подумала я. Завтра.

* * *

Дверь дома была широкая, из дуба, с железной стяжкой. Но распахнулась легко, от одного прикосновения. Внутри пахло благовониями. Я вошла в зал, уставленный столами и скамьями, словно для пира. С одной стороны его замыкал очаг, с другой был коридор, ведущий на кухню и к спальням. Этот огромный дом вместил бы дюжину богинь, и я правда все ждала, что из-за угла покажутся нимфы, мои сестрицы и братья. Но нет, ведь смысл изгнания и в этом тоже. Ты

должен быть совсем один. Разве есть наказание хуже, думали мои родные, чем лишить кого-то своего божественного общества?

Однако сам дом наказанием вовсе не был. Богатства блистали со всех сторон: резные сундуки, мягкие ковры да золотые занавеси, кровати, табуреты, фигурные треножники и статуэтки из слоновой кости. Подоконники из белого мрамора, ясеневые ставни с завитками. В кухне я пробовала пальцем ножи, трогала железо и бронзу, а еще перламутр и обсидиан. Обнаружила чаши из горного хрусталя и литого серебра. Хоть дом и был необитаем, в комнатах не оказалось ни соринки; как выяснилось, сор вообще не проникал за мраморный порог. Пол всегда оставался чистым, как на нем ни следи, столы блестели. Зола из очага исчезала, посуда мылась сама, а запас дров пополнялся за ночь. В кладовой стояли кувшины с вином и маслом, чаши, всегда полные свежего сыра и ячменного зерна.

Гуляя по этим пустым безупречным комнатам, я ощущала... трудно описать. Разочарование. Где-то в глубине души, наверно, я все-таки надеялась на скалу в горах Кавказа и орла, кидающегося с неба на мою печень. Но Сцилла ведь не Зевс, а я не Прометей. Мы, нимфы, таких хлопот не стоили.

Но было тут и еще кое-что. Отец ведь мог оставить меня в какой-нибудь лачуге, рыбацкой хижине, на голом морском берегу под одним навесом. Я вспомнила его лицо, когда он говорил о Зевсовом приказе, его нескрываемую, звенящую ярость. Я сочла тогда, что лишь сама тому причиной, но теперь, после разговора с Ээтом, стала понимать больше. Перемирие между богами сохранялось только потому, что титаны и олимпийцы не вмешивались в дела друг друга. Зевс потребовал призвать к порядку отпрысков Гелиоса. Открыто возразить Гелиос не мог, но мог ответить по-другому, иначе выказать неповиновение, дабы уравнять чаши весов. *У нас даже изгнанники лучше царей живут. Видишь, как безгранично наше могущество? Нападешь на нас, олимпиец, и мы поднимемся выше прежнего.*

Вот что такое мой новый дом – монумент отцовской гордыне.

Тем временем зашло солнце. Я нашла кремь, ударила по нему над приготовленным трупом, как некогда делал Главк, – я столько раз это видела, но никогда не пробовала сама. После нескольких попыток огонь наконец занялся и разгорелся, и я испытала неизведанное прежде удовлетворение.

Проголодавшись, я пошла в кладовую, к чашам, до краев заполненным едой – на сотню голодных хватило бы. Положила немного на тарелку и села в зале за широким дубовым столом. Я слышала собственное дыхание. И понимала с изумлением, что впервые ем в одиночестве. Даже если никто со мной не разговаривал, не смотрел на меня, всегда я чувствовала локтем сестру или брата, родного или двоюродного. Я потеряла рукой столешницу, тонкое древесное волокно. Попробовала что-то напеть, послушала, как воздух поглощает звук. И подумала: такой теперь и будет моя жизнь. Очаг горел, но в углах скопились тени. Снаружи закричали птицы. Хорошо хоть птицы есть. При мысли о толстых черных стволах у меня волосы зашевелились на затылке. Я закрыла ставни, замкнула дверь. Я привыкла ощущать вокруг громаду земной тверди, а сверх того – могущество отца. И стены дома казались мне не толще листа. Ничего не стоит когтем разодрать. Может, такова тайна этого места. Настоящее наказание еще впереди.

Ну хватит. Я зажгла свечи и, сделав над собой усилие, дошла с ними по коридору до спальни. Днем она показалась большой и этим понравилась мне, но теперь хотелось каждый угол держать в поле зрения, а не получалось. Перья моих перин шептались друг с другом, деревянные ставни скрипели, как корабельные тросы в шторм. Каверны дикого острова окружали меня со всех сторон, разрастаясь во тьме.

Я и не знала до этих пор, сколь многого боюсь. Громадных призрачных морских чудищ, скользящих вверх по холму, ночных червей, выползающих из своих нор и липнущих слепыми головами к моей двери. Козлоногих богов, жаждущих утолить свой звериный аппетит, пиратов,

вплывающих в мою гавань, придерживая весла, и помышляющих захватить меня. А что я могу сделать? *Фармакевтрия*, назвал меня Ээт, – *колдунья*, но вся моя сила – в цветах, растущих где-то там, за океанами. Если кто-нибудь придет, я смогу лишь кричать, а что в том никакого проку, убедилась до меня уже тысяча нимф.

Страх накатывал волнами – одна другой ледянее. Воздух бесшумно полз по телу, тени протягивали ко мне руки. Я всматривалась во тьму, силясь расслышать что-нибудь кроме бие-ния собственной крови. Каждый миг, казалось, длился целую ночь, но наконец небо обрело глубину и начало светлеть с края. Тени отступили, настало утро. Я поднялась с постели, цела и невредима. А выйдя на улицу, не увидела ни следов рыскавших вокруг зверей, ни отпечатков скользких хвостов, ни царапин от когтей на двери. И все же глупой себя не чувствовала. А чувствовала, что прошла тяжелое испытание.

Вновь я вгляделась в лес. Вчера – неужели только вчера? – мне хотелось, чтобы кто-то пришел и сказал: там безопасно. Но кто же? Мой отец, Ээт? Изгнание как раз и означает, что никто не придет, никто и никогда. Пугающая мысль, но после бесконечной кошмарной ночи этот страх казался мелким, незначительным. Худший приступ трусости я перетерпела. Искра легкомыслия зажглась вновь. Я не буду как птица, выросшая в клетке, которая не понимает, что можно улететь, даже если открыта дверца.

Я вошла в лес, и моя жизнь началась.

* * *

Я научилась заплетать волосы, чтоб не цеплялись за веточки, подвязывать юбки у колена, чтоб репейник не собирать. Распознавать цветущие вьюнки и яркие розы, замечать сверкающих стрекоз и свернувшихся кольцом змей. Я взбиралась на вершины, где черные копы кипарисов вонзались в небо, слезала вниз, во фруктовые сады и виноградники, где лиловые гроздья росли густо, как кораллы. Гуляла по холмам и жужжащим лугам, заросшим чабрецом и сиренью, оставляла следы на золотистых пляжах. Осмотрела каждую бухту и грот, нашла уютные заливы, надежную гавань для судов. Я слушала, как воют волки и квакают в тине лягушки. Гладила глянцевого бурого скорпиона, а он храбро жалил меня хвостом. Но яд их был не страшнее щипка. Я опьянела, как никогда не пьянела от вина и нектара в отцовском дворце. И думала: немудрено, что я оказалась такой медлительной. Все это время я была словно ткачиха без пряжи, словно корабль без моря. А теперь глядите, куда заплыла.

Вечером я вернулась в свой дом. Сумрак не беспокоил меня больше, он ведь означал, что отец уже не смотрит пристально с неба, то есть настало мое время. Пустота меня не беспокоила тоже. Тысячу лет я пыталась заполнить пространство, отделявшее меня от родни. Заполнить дом было гораздо легче. Я жгла кедровые дрова в очаге, и темный дым становился мне другом. Я пела, чего прежде делать не позволялось – мать говорила, что голос у меня как у тонущей чайки. А когда и правда становилось одиноко и я вдруг понимала, что тоскую по брату, по Главку – тому, прежнему, меня всегда спасал лес. Там ящерицы сновали по ветвям, вспархивали птицы. Цветы, завидев меня, будто подавались вперед, как ретивые щенки, что подскакивают и шумно требуют ласки. Я перед ними почти робела, но день ото дня становилась смелее и однажды наконец преклонила колени на влажной земле у зарослей чемерицы.

Хрупкие цветки колыхались на стеблях. Чтобы срезать их, нож был не нужен, хватило и моего острого ногтя, ставшего липким от капелек сока. Я положила цветы в корзинку, накрыла тканью, а раскрыла, лишь придя домой и плотно затворив ставни. Я не думала, что кто-то помешает мне, но решила этого кого-то не искушать.

Я рассматривала лежавшие на столе цветы. Сморщившиеся, зачахшие как будто. Я не знала, что с ними сделать, с чего начать. Покрошить? Сварить? Зажарить? Мазь, которую использовал брат, содержала масло, но какое? Подойдет ли оливковое с кухни? Нет, конечно.

Тут нужно что-то необыкновенное, вроде масла из косточек фрутков, растущих в саду Гесперид. Но его мне не достать. Я прижала стебель пальцем, прокатила по столу. Он перевернулся, дряблый, как утонувший червяк.

Ну не стой столбом, велела я себе. Пробуй. Свари их. Почему нет?

* * *

Я говорила уже, что кое-какую гордость имела, и хорошо. Будь ее больше, она бы все загубила.

Вот что я поняла: колдовство не божественная сила, приводимая в действие мгновенно, одной мыслью. Его нужно творить, нужно трудиться – замышлять и искать, выкапывать, сушить, крошить и растирать, готовить, приговаривать и припевать. Но и это все может не сработать, а у богов такого не бывает. Если растения недостаточно свежи, внимание мое рассеянно, а воля слаба, зелье в моих руках испортится, потеряет силу.

Странно вообще-то, что я занялась чародейством. Боги терпеть не могут всякий труд, такова их природа. Ткачество да кузнечное дело – на большее мы не способны, но это ремесла, тяжелой работы не предполагающие, ведь все неприятное изъято из них и совершается божественной силой. Пряжу красят не в зловонных чанах, помешивая черпаком, а щелкнув пальцами. Не гнут спину на рудниках – руды сами охотно выпрыгивают из земли. Никто и никогда не натирает рук, не напрягает мышц.

А чародейство – тот самый тяжелый труд и есть. Нужно отыскать, где всякое растение гнездится, всякое собрать в свое время, выкопать, перебрать, очистить, помыть, подготовить. С каждым нужно делать то одно, то другое, чтобы выяснить, в чем его сила. Терпеливо, день за днем приходится выбрасывать неудавшееся и начинать сначала. Так почему я все-таки это делала? Почему мы все это делали?

Про братьев и сестру не знаю, а мой ответ прост. Сотню поколений я ходила по земле вялая, сонная, жила в праздности и покое. Не оставляла следов, не совершала поступков. Даже те, кто немного любил меня, легко со мной расставались.

А потом я узнала, что могу мир изогнуть своей волей, как стрела изгибает лук. И готова была трудиться сколько угодно, лишь бы сохранить эту силу в своих руках. Я думала: вот что чувствовал Зевс, впервые воздев молнию.

Поначалу, конечно, ничего мне приготовить не удавалось. Снадобья не действовали, кашицы не смешивались, и все это стояло на столе, ни на что не годное. Я думала, что, раз немного руты – хорошо, значит, больше – еще лучше, что смесь из десяти трав действеннее, чем из пяти, что, если мысль моя уйдет в сторону, заклинание не уйдет вместе с ней, что можно начать готовить одно зелье, на полпути передумать и сделать другое. О травах я не знала и самых простых вещей, которые всякая смертная узнает, еще держась за материнский подол: что из кореньев некоторых растений можно сварить мыло, что тис, если бросить его в очаг, испускает густой удушающий дым, что в жилах маков течет сон, в жилах чемерицы – смерть, а тысячелистник затягивает раны. Надо всем этим приходилось работать, все узнавать, пробуя, ошибаясь, обжигая руки, задыхаясь от едкого дыма и выбегая откашливаться в сад.

Ну хоть заклинание, если уж сработало, не придется осваивать заново, думала я тогда, в самом начале. Но и здесь ошиблась. Сколько ни используй одно и то же растение, у каждого срезанного цветка будет своя особенность. Одна роза откроет свои тайны, если ее растереть, другую нужно выжать, а третью – заварить. Всякое заклинание – словно гора, на которую предстоит взойти снова. И вынести из этого лишь знание, что взойти возможно.

Я не отступалась. Если детство чему меня и научило, так это терпению. Мало-помалу я стала лучше слышать, как течет в растениях сок, в моих жилах кровь. Научилась понимать собственные намерения, отсекал и добавлять, чуют, где сосредоточена сила, и произносить

нужные слова, чтоб вытянуть ее до предела. Ради этого мига я жила – когда все наконец становится ясно и заклинание звучит чистой нотой – для меня, меня одной.

Я не созывала драконов, не собирала змей. В первое время колдовала всякие глупости, что в голову придет. Начала с желудя – подумала: раз он зеленый, раз растет, питаемый водой, то кровь наяды может мне помочь. Целыми днями и месяцами я натирала этот желудь маслами и мазями, произносила над ним слова, чтобы прорастить. Пыталась воспроизводить звуки, что слышала от Ээта, когда он исцелил мое лицо. Пробовала проклятия и молитвы тоже, но самодовольный желудь упрямо хранил свое семя внутри. Я выкинула его в окно, взяла другой и провозилась с ним еще полвека. Я пробовала произносить заклинание, будучи злой, спокойной, довольной, рассеянной. Однажды решила, что лучше уж откажусь от своего дара вовсе, чем пробовать это заклинание вновь. Зачем вообще мне понадобился дубовый росток? На острове их полно. На самом-то деле мне хотелось лесной земляники, которая сладко скользнула бы в раздраженное горло, – так я и сказала этой коричневой шелухе.

Желудь преобразился мигом, и палец мой утонул в его мягкой, красной плоти. Я устала на него, а потом издала победный вопль, распугав птиц, сидевших во дворе на деревьях.

Я оживила увядший цветок. Выгнала из дому мух. Заставила вишни цвести не в свой черед и сделала ярко-зеленым огонь в очаге. Ээт, окажись он рядом, посмеивался бы в бороду при виде всех этих кухонных фокусов. Но я ничего не умела, поэтому ничего не считала ниже своего достоинства.

Мои способности накатывали друг на друга волнами. Оказалось, я умею создавать иллюзии – могу мышью заманить несуществующими крошками, заставить призрачных рыбешек прыгать из воды в бакланий клюв. Я подумывала о большем – о хорьке, чтоб отвадить кротов, о сове, чтоб кроликов отпугнуть. Я узнала, что растения лучше всего собирать под луною, когда роса и тьма сгущают сок. Узнала, что хорошо растет в саду, а что лучше оставить на месте, в лесу. Я ловила змей и научилась выщипывать их яд. И из жала осы могла капельку яда извлечь. Я излечила умирающее дерево, уничтожила одним прикосновением ядовитый вьюнок.

Но Ээт оказался прав – главным моим даром было перевоплощение, и мысли постоянно возвращались к нему. Я становилась перед розой, и та оборачивалась ирисом. Поливала зельем корни ясеня, и он превращался в каменный дуб. Все свои дрова сделала кедровыми, чтоб аромат каждый вечер наполнял мои комнаты. Я поймала пчелу и превратила ее в жабу, а скорпиона – в мышшь.

И здесь обнаружила наконец предел своих возможностей. Какой бы действенной ни была смесь, как бы искусно ни сплеталось заклятие, жаба все равно пыталась летать, а мышшь – жалить. Перевоплощение затрагивало тело, но не разум.

И тогда я подумала о Сцилле. Живет ли до сих пор внутри шестиглового чудовища сознание нимфы? Или цветы, выросшие на крови богов, совершили настоящее превращение? Я не знала. И сказала в пустоту: “Где бы ты ни была, надеюсь, испытываешь удовлетворение”.

Она испытывала, теперь-то я знаю.

* * *

Той порой я забрела однажды в самую чащу леса. Мне нравилось гулять по острову, подниматься снизу, с побережья, к его высочайшим прибежищам в поисках прячущихся там мхов, вьюнков и папоротников, нужных мне для чародейства. День клонился к вечеру, корзинка моя переполнилась. Вдруг за кустом я увидела вепря.

Я знала уже, что на острове живут кабаны. Слышала, как они визжат, проламываясь сквозь заросли, частенько находила то растоптанный рододендрон, то вырванные с корнем молодые деревца. Но встретила с кабаном я впервые.

Вепрь был огромен, гораздо больше, чем я могла вообразить. Хребет крутой и черный, как гребень горы Кинфос, плечи исполосованы молниями шрамов – следами бывших схваток. С такими тварями только отважнейшие герои встречаются – когда они во всеоружии: с копьями да собаками, лучниками да сподручниками, а обычно и с полудюжиной воинов в придачу. А у меня был лишь нож для копки, корзина и ни капли хоть какого-нибудь зелья под рукой.

Вепрь топнул копытом, из пасти закапала белая пена. Пригнувшись, он выставил клыки, заскрежетал зубами. “Я сотню юнцов могу сокрушить, и только трупы их вернутся к рыдающим матерям. Я вырву твои кишки и съем на обед”, – говорили его пороссячи глазки.

Я пристально на него посмотрела:

– Попробуй.

Одно долгое мгновение он глядел на меня в упор. Затем повернулся и дернул прочь, в чашу. И вот тогда-то, а вовсе не чародействуя, я впервые ощутила себя настоящей колдуньей.

* * *

Тем вечером, сидя у очага, я размышляла о горделивых богинях с птицами на плечах, с оленятами, что тычутся носом в их ладони да семят почтительно по пятам. Утру им нос. Вскарабкавшись к высочайшим вершинам, я отыскала одинокий след: здесь сломан цветок, там земля чуть взрыта да ободрана когтями кора. Я сварила зелье из крокуса и желтого жасмина, ириса и кипарисового корня, выкопанного, когда луна стояла в зените. Разбрызгала его, напевая. *Призываю тебя.*

Назавтра, в сумерках, она, мягко переступая лапами, вошла в мой дом, на плечах ее бугрились твердокаменные мускулы. Растянулась у очага, оцарапала шершавым языком мои лодыжки. Днем она приносила мне рыбу и кроликов. Вечером слизывала мед с моих пальцев и засыпала у моих ног. Иногда мы играли: она подкрадывалась сзади, прыгала на меня и хватала за шею. Я ощущала ее горячее мускусное дыхание, тяжесть ее передних лап, давивших мне на плечи. Смотри, говорила я, показывая ей кинжал, который забрала с собой из отцовского дворца, – тот, с отежаненной на рукояти львиной мордой.

– Что за глупцы это сделали? Они не видели ни разу тебе подобных.

Она зевала, разинув огромную коричневую пасть.

В моей спальне стояло бронзовое зеркало – высокое, под потолок. Проходя мимо него, я с трудом себя узнавала. Мой взгляд будто сделался ярче, лицо заострилось, а позади расхаживала дикая львица – моя подруга. Представляю, что сказали бы сестрицы, увидев меня – с грязными, в садовой земле, ногами, в юбках, завязанных узлом на коленях, поющую во весь свой тонкий голос.

Хотелось бы мне, чтоб они явились. Чтоб выпучили глаза, увидев, как я гуляю среди волчьих логовищ, плаваю в море, где кормятся акулы. Я могла превращать рыб в птиц, бороться со своей львицей, а потом лежать, растянувшись и разметав волосы, у нее на брюхе. Хотелось, чтоб они завизжали, заохали, чтоб из них дух вышибло. *Ах, она взглянула на меня! Теперь я превращусь в лягушку!*

Неужто я в самом деле боялась этих существ? Я правда десять тысяч лет провела, шмыгая как мышь? Теперь я понимала, почему Ээт был столь дерзок и возвышался над отцом словно горный пик. Творя волшебство, я ощущала тот же размах, тот же вес. Я наблюдала, как движется по небу пылающая колесница отца. Ну? И что ты теперь мне скажешь? Ты выкинул меня воронам, но оказалось, мне с ними лучше, чем с тобой.

Отец не отвечал, и моя тетка Луна тоже – вот трусы. Мое лицо пылало, я стискивала зубы. А моя львица била хвостом.

Что, никто не осмелится? Не посмеет встретиться со мной лицом к лицу?

Как видите, на дальнейшее я, можно сказать, сама напросилась.

Глава восьмая

Дело было на закате, когда отцовский лик уже скрылся за деревьями. Я работала в саду – подвязывала разросшуюся лозу, сажала розмарин да аконит. И напевала что-то бессмысленное. Львица лежала в траве с окровавленной пастью – тетерева застигла врасплох.

– Надо признать, – раздался вдруг чей-то голос, – я удивлен. Столько бахвальства, а с виду ты самая обыкновенная. Цветник, косички... Словно крестьянка какая-нибудь.

У дома, прислонившись к стене, стоял юноша и смотрел на меня. Волосы его были распущены и растрепаны, лицо сияло как бриллиант. А золотые сандалии сверкали, хоть свет на них и не падал.

Я поняла, кто это, поняла, разумеется. Ошибиться нельзя было: лицо его светилось могуществом, пронзительное, как обнаженный клинок. Олимпиец, Зевсов сын, которого отец избрал своим вестником. Насмешник, крылатый смутьян – Гермес.

Меня дрожь пробрала, но ему об этом знать было незачем. Великие боги способны учуять страх, как акулы – кровь, а учуяв – сожрать тебя, как те самые акулы.

Я выпрямилась:

– Чего же ты ожидал?

– Ну, знаешь... – Он лениво вертел в руке тонкий жезл. – Чего-нибудь более зловещего. Драконы там... Пляшущие сфинксы. Кровь капает из облаков.

Мне привычен был облик дядьев – плечистых, белобородых, но не совершенная и беспечная красота Гермеса. С него скульпторы ваяли свои творения.

– Так обо мне говорят?

– Ну конечно. Ты варишь тут зелья, чтобы всех нас отравить, ты и твой брат – Зевс убежден в этом. Знаешь ведь, какой он беспокойный.

Гермес беззаботно, заговорщицки улыбнулся. Будто гнев Зевса – так, шуточки.

– Так ты пришел сюда как Зевсов соглядатай?

– Мне больше нравится слово “посланник”. Но нет, с этим делом отец и сам справится. А я здесь, потому что брата рассердил.

– Твоего брата.

– Да. Ты ведь о нем слыхала?

Из складок плаща Гермес вынул лиру, инкрустированную золотом и слоновой костью, сияющую как заря.

– Боюсь, я украл ее. И теперь хочу укрыться где-нибудь, пока не стихнет буря. Понадеялся, что ты сжалишься надо мной. Почему-то мне кажется, здесь брат искать не догадается.

У меня волосы на затылке встали дыбом. Всякий, кто не глуп, страшится гнева Аполлона, беззвучного, как солнечный свет, и смертоносного, как чума. Мне захотелось оглянуться: не шагает ли он уже сейчас к нам по небу, нацелив золоченую стрелу мне в сердце? Но с другой стороны, опротивело бояться, трепетать и всматриваться в небеса, гадая, что кто-то там сочтет позволительным, а что нет.

– Входи, – сказала я и повела его в дом.

* * *

Все детство я слушала рассказы о дерзостях Гермеса: как он, младенцем еще, вылез из колыбели и угнал Аполлоновых коров, как убил Аргуса, стража-исполина, прежде усыпив всю его тысячу глаз, как у камней выводывал тайны и даже богов, своих соперников, умел очаровать и подчинить собственной воле.

Так оно все и было. Он притягивал тебя, словно сматывая нить. А потом раскручивал обратно на твоём же тщеславии – да так, что подавишься смехом. С настоящим умом я почти и не сталкивалась – с Прометеем говорила всего ничего, а что до остального Океанова дворца, так там умом обычно считалось лукавство да ехидство. Мысль Гермеса была острее и стремительней в тысячу крат. Она блистала, ослепительная, как солнце на волнах. В тот вечер он развлекал меня, рассказывая одну за другой сплетни о великих богах и их глупостях. Распутник Зевс превратился в быка, чтобы соблазнить хорошенькую девицу. Ареса, бога войны, одолели два великана, запихали в бронзовый сосуд и год там продержали. Гефест устроил ловушку своей жене Афродите – поймал ее, обнаженную, вместе с любовником Аресом в золотую сеть, чтобы всем богам показать. Гермес говорил и говорил – о нелепых пороках, пьяных драках и мелочных склоках с пощечинами – все так же плутовато и с ухмылкой. Я чувствовала, что возбуждена и одурманена, будто собственных зелий напилась.

– А тебя не накажут за то, что пришел сюда и нарушил мое изгнание?

Гермес улыбнулся:

– Отец знает: я делаю что хочу. К тому же ничего я не нарушил. Свободы ведь только тебя лишили. А все остальные могут ходить куда вздумается.

Я удивилась:

– Но мне казалось... Ведь сделать так, чтобы никто не мог ко мне прийти, – наказание похуже?

– Смотря кто будет к тебе приходить, не так ли? Но изгнание есть изгнание. Зевс хотел заключить тебя где-нибудь и заключил. А что там дальше, они, по правде говоря, не думали.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я был там. Всегда забавно наблюдать, как Зевс с Гелиосом договариваются. Словно два вулкана, раздумывающие, извергаться или нет.

Мне вспомнилось, что он сражался в той великой войне. Видел горящее небо, убил гиганта, задевавшего головой облака. И несмотря на всю Гермесову беспечность, я могла себе это представить.

– А играть на этом инструменте ты умеешь? Или только красть?

Он тронул струны. И ноты взметнулись в воздух – чистые, серебристые, сладкозвучные. Он собрал их в мелодию – так легко, словно сам был богом музыки, звучание охватило всю комнату, и она ожила.

Гермес поднял голову, поймав лицом отсвет пламени.

– А ты поешь?

Вот какое еще у него было свойство. Все свои секреты хотелось ему выложить.

– Для себя только. Другим мой голос неприятен. Говорили, я как чайка кричу.

– В самом деле говорили? Никакая ты не чайка. У тебя голос смертной.

Замешательство, должно быть, ясно отразилось на моем лице, потому что Гермес рассмеялся.

– Голоса большинства богов подобны громам и камнепадам. Со смертными мы должны тихо говорить, чтоб их не разнесло на куски. А нам голоса смертных кажутся слабыми, тонкими.

Я вспомнила, как нежно звучал голос Главка, впервые заговорившего со мной. Тогда мне показалось: это неспроста.

– Порой, хоть и нечасто, – продолжил Гермес, – младшие нимфы рождаются с человеческими голосами. И ты одна из них.

– Почему мне никто не сказал? И как такое может быть? Кровь смертных не течет во мне, только кровь титанов.

Он пожал плечами:

– Кто объяснит, как устроена божественная родословная? А не сказали тебе потому, полагаю, что просто не знали. Я общаюсь со смертными чаще, чем большинство богов, и привык к их голосам. По мне, так это только добавляет остроты, как приправа в блюде. Но если окажешься когда-нибудь среди смертных, то увидишь: они не станут тебя бояться, как остальных богов.

В единый миг он раскрыл одну из величайших в моей жизни загадок. Я поднесла руку к горлу, словно могла потрогать скрытую в нем инаковость. *Богиня с голосом смертной*. Поразительно, и в то же время я будто знала об этом где-то в глубине души.

– Играй, – сказала я. А потом запела, и лира с легкостью следовала за моим голосом, повышая тембр и делая каждую строфу еще благозвучнее. Когда я закончила, от пламени остались только угли, луна скрылась в дымке. Глаза Гермеса блестели, как темные самоцветы, поднесенные к огню. Черные глаза – признак глубинной силы, восходящей к древнейшим богам. И впервые в жизни я подумала: как странно, что мы отделяем титанов от олимпийцев, ведь родители Зевса, разумеется, были титанами и самому Гермесу дедом приходится титан Атлас. У всех нас одна кровь течет в жилах.

– Ты знаешь, как называется этот остров? – спросила я.

– Плохим бы я был богом путешественников, если б не знал, как называется всякое место в мире.

– Скажешь?

– Он называется Ээя.

– Ээя.

Я испробовала эти звуки. Мягкие, они складывались тихо, как крылья в сумерках.

– Знакомое тебе название, – сказал Гермес. И внимательно посмотрел на меня.

– Конечно. Именно здесь мой отец когда-то встал на сторону Зевса и доказал свою преданность. И в небе над островом сразил титана-гиганта, оросив землю кровью.

– Какое, однако, совпадение, – заметил Гермес, – что отец твой отправил тебя сюда и ни на какой другой остров.

Я почувствовала, как сила его тянется к моим тайнам. И в былые времена кинулась бы отвечать, лить ответы через край, дала бы ему все, что захочет. Но я была уже не та. Я ничем ему не обязана. И дам лишь то, что сама захочу.

Я поднялась, встала перед ним. И ощутила собственные глаза, желтые, как речные камешки.

– Скажи, как ты можешь знать, что отец твой ошибается насчет моих ядов? Как можешь знать, что не отравлю тебя на этом самом месте?

– Никак не могу.

– И все-таки не побоишься остаться?

– Ничего не побоюсь.

Вот так мы и стали любовниками.

* * *

В последующие годы Гермес возвращался часто, прилетал в сумерках. Приносил мне лакомства богов – вино, украденное из погребов самого Зевса, сладчайший мед с Иблейских гор, где пчелы питаются одним только нектаром липы да чабреца. Беседой и соитием мы наслаждались равно.

– Родишь мне ребенка? – спросил он однажды.

Я посмеялась над ним:

– Нет, нет и еще раз нет.

Гермеса мой ответ не уязвил. Подобная резкость ему нравилась, ведь его, бескровного, ничто ранить не могло. Он спрашивал лишь из любопытства, таким уж был по натуре – всегда стремился получить ответ, выведать чужую слабость. Он хотел проверить, влюблена ли я по уши. Но от прежней моей бесхарактерности не осталось и следа. Днем я не лежала, мечтая о нем, ночью не шептала его имя в подушку. Он не был мне мужем, да и другом – едва ли. А был ядовитой змеей, равно как и я, и именно поэтому мы пришлось друг другу по нраву.

Гермес рассказывал, что происходило без меня. Путешествуя, он все страны света облетал и подхватывал сплетни, будто грязь собирал подолом. Он знал, за чьими столами выпивает Главк. Как высоко бьют струи молока в источниках Колхиды. Сообщил, что Ээт живет хорошо, носит плащ из крашеной леопардовой шкуры. Взял смертную в жены, и у него уже два малыша – один в пеленках, другой у матери в животе. Пасифая всё заправляет на Крите, используя свои зелья, а меж тем целый корабельный экипаж мужу нарожала – полдюжины наследников да дочерей. Перс по-прежнему на востоке, воскрешает мертвых, смешивая сливки с кровью. Мать моя плакать перестала, присвоила себе новый титул – Мать колдунов – и ходит павой среди сестер. Мы надо всем этим смеялись, а потом Гермес уходил и наверняка точно так же рассказывал другим обо мне: про черные от земли ногти, пахнущую мускусом львицу и свиней, которые повадились приходиться под дверь, разнюхав, что здесь им и помоев дадут, и спинку почешут. И конечно, как я, краснеющая девственница, на него набросилась. Ну и что? Краснеть я не краснела, но все остальное, в общем, так и было.

Я расспрашивала его, где находится Ээя, далеко ли от Египта, Эфиопии и прочих занятных мест. Интересовалась, в каком мой отец настроении нынче, и как зовут моих племянниц и племянников, и какие теперь на земле процветают империи. Он обо всем рассказывал, но в ответ на вопрос, далеко ли растут те цветы, что я давала Главку и Сцилле, лишь посмеялся надо мной. *Думаешь, я стану помогать львице когти точить?*

– А что с тем древним титаном Прометеем, прикованным к скале? – спросила я как можно беззаботнее. – Как он поживает?

– А как ты думаешь? Каждый день лишается печени.

– До сих пор? Никак не пойму, почему Зевса так разозлило, что Прометей смертным помог.

– Скажи-ка, кто приносит жертвы щедрее – несчастный или счастливый?

– Разумеется, счастливый.

– Ошибаешься. Счастливый слишком занят своими делами. И считает, что никому не обязан. Но заставь его трястись, убей жену, покалечь ребенка, и он объявится. Месяц будет жить впроголодь вместе со всей семьей, но купит тебе белоснежного годовалого теленочка. А если сможет, то и сотню.

– Но и тебе в конце концов придется наградить его. А то он перестанет жертвы приносить.

– О! Ты удивишься еще, как долго он их будет приносить. Но верно, в конце концов лучше ему что-нибудь дать. Он снова станет счастливым. А потом можно начать заново.

– Так вот чем олимпийцы занимаются целыми днями. Думают, как бы сделать людей несчастными.

– Незачем прикидываться добродетельной. Твой отец в этом деле всех за пояс заткнет. Целую деревню сровняет с землей, лишь бы еще одну корову заполучить.

Сколько раз я тайно торжествовала при виде заваленных доверху отцовых алтарей? Я подняла кубок и выпила, чтобы Гермес не увидел краски на моих щеках.

– Ты мог бы и навестить Прометея. Со своими-то крыльями. Чем-нибудь его утешить.

– С какой это стати?

– Для разнообразия, само собой. Сделаешь доброе дело впервые в своей беспутной жизни. Разве тебе не любопытно, каково это?

Он рассмеялся, а я больше не настаивала. Он ведь все-таки был – и всегда оставался – олимпийцем, сыном Зевса. Мне многое позволялось, потому что это забавляло его, но забавы в любой момент могли закончиться. Можно научить гадюку есть с руки, но нельзя лишить ее желания жалить.

Весна сменилась летом. Однажды вечером за кубком вина я наконец спросила Гермеса о Сцилле.

– Ага! – Глаза его загорелись. – Я все думал, когда же мы до нее дойдем. Что ты хочешь знать?

Она несчастна? Но над такими нюнями он посмеялся бы, и правильно сделал. Мое колдовство, остров, львица – все это проистекло от превращения Сциллы. Нечестно было бы раскаиваться в том, что даровало мне жизнь.

– Она нырнула в море, а что случилось с ней потом, я так и не узнала. Тебе известно, где она?

– Неподалеку. Меньше дня пути, если идти на корабле со смертными. Она облюбовала пролив. По одну сторону – водоворот, что затягивает корабли, и рыб, и все, что мимо проплывает. А по другую – отвесная скала с пещерой – там она и прячется. И всякий корабль, избежавший водоворота, несется напрямик ей в пасти, так она и кормится.

– Кормится, – повторила я.

– Да. Моряками. По шесть съедает за раз – один на каждую пасть, а то и по двенадцать, если быстро грести не умеют. Кое-кто пробует с ней сразиться, но что из этого выходит, можешь себе представить. Издалека слышно, как они вопят.

Меня точно пригвоздило к стулу. Я ведь думала, она плавает в глубинах, холодных кальмаров глодает. Но нет. Сцилле всегда нравился дневной свет. И нравилось заставлять других лить слезы. А теперь она превратилась в прожорливое, зубастое чудовище в броне бессмертия.

– И никто не может ее остановить?

– Зевс мог бы или твой отец, если б захотели. Но зачем? Богам от чудовищ только польза. Представляешь, сколько молящихся?

Я вздохнуть не могла. Люди, которых съедала Сцилла, были такими же моряками, как когда-то Главк, – оборванными, отчаявшимися, изнуренными вечным страхом. Все они мертвы. Все превратились в сгустки холодного дыма, отмеченные моим именем.

Гермес наблюдал за мной, приподняв голову, словно любопытная птица. Ждал, как я это восприму. Раскисну от слез или покажу себя гарпией с каменным сердцем? Нечто среднее не предполагалось. Остальное не вписывалось в веселую историю, которую он собирался наплесть.

Моя рука опустилась на голову львицы, пальцы ощутили большой, крепкий череп. Она никогда не спала, если Гермес был в гостях. Следила из-под полуопущенных век.

– Одного Сцилле всегда было мало, – сказала я.

Он улыбнулся. *Сука, не сердце – скала.*

– Хотел сказать, – продолжил он. – Я слышал о тебе пророчество. От старой прорицательницы, которая оставила свой храм и бродила по свету, предсказывая судьбу.

Я привыкла, что мысль его быстро перескакивает с одного на другое, и сейчас была за это благодарна.

– А ты как раз случайно проходил мимо, когда она говорила обо мне?

– Нет, конечно. Я дал ей чеканную золотую чашу, а взамен попросил рассказать все, что она знает о Цирцее, дочери Гелиоса, эйской колдунье.

– И что же?

– Она сказала, что человек по имени Одиссей, мой родич, явится однажды на твой остров.

– И?..

– И всё.

– Хуже пророчества еще не слыхала.

Он вздохнул:

– Знаю. Видно, пропала моя чаша зря.

Я говорила уже, что о нем не мечтала. Не сплетала наших имен. Вечером мы легли в постель, а к полуночи он ушел – можно встать и отправляться в лес. Львица часто меня сопровождала, шагала рядом. Величайшее это было наслаждение – гулять в прохладе, ступая по влажной листве. Иногда я останавливалась, чтобы сорвать какой-нибудь поспевший цветок.

Но тот, что мне и правда нужен был, еще не поспел. Я выждала месяц с тех пор, как мы с Гермесом говорили впервые, а потом еще один. Мне не хотелось, чтоб он увидел. Не его это дело. Только мое.

Я не взяла факел. В темноте мои глаза светили лучше совиных. Я шла сквозь сумрачные деревья и безмолвные фруктовые сады, сквозь рощи и чащи, пересекала песчаные пляжи, взбиралась на кручи. Птицы молчали, и звери тоже. Ничего не было слышно, только шелест ветра в кронах и мое дыхание.

И вот наконец место, где он спрятан, – в лиственном перегное, под грибами и папоротниками: крошечный цветок, с ноготь, белый как молоко. Из крови того гиганта, которую мой отец пролил в небе над островом. Я выдернула стебель из зарослей. Корень не сразу поддался, крепко держался в земле. Черный, толстый, он пах металлом и солью. Названия цветок не имел, или я его не знала, поэтому называла “моли” – “корень” на древнем языке богов.

Ах, отец, знал ли ты, какой преподносишь мне дар? Ведь этот цветок, столь хрупкий, что просто исчезнет, если на него наступить, заключал в себе необоримую силу – *анотропей*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.